

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Языковые средства аргументации в спонтанном русском монологе на
заданную тему
(на материале телепрограммы «Сила слова»)**

основная образовательная программа магистратуры по направлению
подготовки 45.04.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающийся 2 курса
образовательной программы
«Русский язык и русская культура
в аспекте русского языка как иностранного»

очной формы обучения

Виссани Маргерита

Научный руководитель:

д.п.н., доц. Федотова Н. Л.

Рецензент:

к.ф.н., доц. Стрельченя Ю.В.

Санкт-Петербург
2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АРГУМЕНТИРУЮЩЕЙ РЕЧИ.....	8
1.1. Теория аргументации: состояние и предпосылки исследования	8
1.2. Определение аргументации	15
1.3. Специфика и структура аргументирующей речи: прагма- диалектический подход	19
1.3.1. Типы аргументации	19
1.3.2. Точки зрения и разновидности спора	24
1.3.3. Структура аргументации	26
1.3.4. Идеальная модель критической дискуссии (применительно к теории речевых актов)	32
1.4. Лексические и синтаксические особенности аргументирующей речи	36
1.5. Монолог: определение и характеристики.....	42
ВЫВОДЫ по главе I	47
ГЛАВА II. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДСТВ АРГУМЕНТАЦИИ В СПОНТАННОМ МОНОЛОГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕПРОГРАММЫ «СИЛА СЛОВА»)	49
2.1. Специфические черты спонтанных монологов на заданную тему	49
2.2. Композиционные средства аргументирующей речи в спонтанном монологе	51
2.3. Синтаксические и лексические средства аргументирующей речи в спонтанном монологе	65
2.4. Идеальная модель аргументирующей речи в спонтанном монологе	74

ВЫВОДЫ по главе II	82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	84
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	85
ПРИЛОЖЕНИЕ (<i>скрипты монологов</i>)	92

ВВЕДЕНИЕ

Понятие аргументации было известно еще в Древней Греции. Философы Платон, Сократ, Пифагор, Аристотель и другие обращали особое внимание на необходимость аргументации для доказательства истинности своих идей и убеждения слушателей.

Важно подчеркнуть, что аргументация в широком смысле связана не только с доказательством сложных научных положений, она используется и в повседневной жизни людей. Предпосылка для аргументации – наличие проблемы, являющейся содержательным ядром действительных или предполагаемых разногласий и сформулированной в виде вопроса (Ullmer-Ehrich 1981). Так или иначе мы прибегаем к аргументированию своих утверждений, при этом даже не замечая, что осуществляем сложную мыслительную деятельность. Аргументацию можно считать неотъемлемой частью речевой деятельности человека в разных сферах общения.

На протяжении столетий интерес к исследованию аргументации то угасал, то возрастал, однако во второй половине XX века исследователи вновь обратились к ее изучению.

Аргументация представлена в разных науках: философии, логике, психологии, риторике. Особое место отводится аргументации в лингвистике.

В разработке и развитии теории аргументации сыграли большую роль труды таких учёных как: С. Е. Тулмин (1958, 1975), Х. Перельман (1969), которые разрабатывали теорию аргументации с позиций логики; Г. А. Брутян (1982), работа которого посвящена философской аргументации; Р.Х. Джонсона и Д.А. Блэра (1987), которые создали теорию аргументации в рамках неформальной логики; В.Х. ван Еемерен (2014), который рассматривал теорию аргументации с точки зрения прагматической лингвистики.

Тем не менее лингвистические аспекты аргументации разработаны не в достаточной степени. Среди имеющихся работ можно назвать исследования Р.Р. Гельгардта (1971), А.Д. Блинова и В.В. Петрова (1986); А.Н. Баранова

(1990), И.Н. Гавришиной (1991); Л.Г. Васильева (1992); В.Ф. Беркова (1993); Н. Ю. Фаняна (2000); Н. А. Ощепковой (2004); Н.А. Волковой и Л.Г. Васильева (2004); В.В. Киселевой (2006); R.E. Crable (1976). A. Cattani (1995); J.A. Blair (1998); P. Cantù e I. Testa (2006); V. Lo Cascio (1991) и др.

Ученые обращаются к исследованию специфики аргументации в процессе научной дискуссии (Михайлов 1986); риторико-аргументативных характеристик политического дискурса (Гусева 2006); аргументативно-лингвистических особенностей дискурса опровержения (Пучкова 2006); аргументативного дискурса носителей определенного когнитивного стиля (Зайцева 2012).

Особый интерес представляют работы, в которых аргументация рассматривается в связи с коммуникативными интенциями (например, Golubev 1998).

Анализируя вышеупомянутые работы, нетрудно заметить, что до сих пор лингвисты уделяли особое внимание исследованию особенностей аргументации в рамках диалога, где активно принимают участие два собеседника, и, кроме того, большинство работ посвящены политическому дискурсу. Это означает, что языковые средства аргументации в спонтанном монологе на социокультурные темы нуждаются в изучении.

Из этого следует, что анализ функциональных и коммуникативных особенностей языковых средств аргументирующей речи в устном неподготовленном монологе необходим как для теоретического исследования, так и для практического использования средств аргументации и правил построения устной речи не только носителями русского языка, но и иностранными студентами, изучающими русский язык.

Все вышесказанное определяет **актуальность** данной работы.

Объект исследования – языковые средства русской аргументирующей речи.

Предметом выпускной квалификационной работы являются прагматические особенности языковых средств аргументации в спонтанном монологе на русском языке.

Цель данной работы – выявить лексические, синтаксические и композиционные средства аргументирующей речи в спонтанном монологе на русском языке и проанализировать их функционально-коммуникативные особенности.

Поставленная цель определила следующие **задачи**:

- 1) на основе научной литературы по теме работы:
 - определить функции и разновидности аргументирующей речи;
 - описать структуру аргументирующей речи и выявить ее специфику (приёмы доказательства, планирование, тактики, тезис и типы аргументов);
 - проанализировать лексические и синтаксические особенности аргументирующей речи;
- 2) рассмотреть лексические средства аргументирующей речи в спонтанном монологе;
- 3) проанализировать синтаксические средства аргументирующей речи в спонтанном монологе;
- 4) описать композиционные средства аргументирующей речи в спонтанном монологе.

Методы исследования:

- метод научного теоретического анализа;
- метод сплошной выборки;
- описательный метод;
- метод расшифровки;
- метод функционально-семантического анализа;
- метод систематизации.

В данной работе впервые предпринимается попытка анализа языковых средств аргументации в спонтанной монологической речи на русском языке и именно в этом заключается **научная новизна**. В исследовании будут

выявлены лексические, синтаксические и композиционные средства аргументирующей речи в устном монологе.

Положения, выносимые на защиту:

1. На построение спонтанного монолога и на выбор тех или иных композиционных средств в значительной степени влияют не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы.

2. Композиционные средства неподготовленного монолога являются специфическими для спонтанной монологической речи и для аргументирующих стратегий.

3. На выбор синтаксических средств оказывает влияние языковой опыт говорящего, владение синтаксическими средствами аргументации и стрессовая ситуация публичного общения.

Материалом для исследования являются устные выступления русскоязычных старшеклассников (спонтанные монологи на заданную тему в телепрограмме «Сила слова»¹). Объем материала – 39 скриптов монологов.

Гипотеза исследования заключается в том, что функционально-коммуникативные особенности языковых средств аргументации в спонтанном монологе будут проявляться в той или иной степени в зависимости от речевого опыта говорящего.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут расширить знания об особенностях аргументирующей речи в целом, а в частности, выявить специфику функционирования языковых средств, используемых для аргументации в устном монологе.

Практическая значимость видится в том, что результаты исследования могут быть использованы при обучении российских студентов средствам аргументации и при формировании аргументативных умений у иностранных студентов, изучающих русский язык.

¹ «Сила слова» – интеллектуальная игра по русскому языку для старшеклассников (совместный проект Совета по культуре речи при Губернаторе Санкт-Петербурга и телеканала «Санкт-Петербург»). Целью данной телепрограммы является популяризация русского языка. В данной работе привлекается материал игр первого сезона (2015/2016 гг.).

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АРГУМЕНТАЦИИ

1.1. Теория аргументации: состояние и предпосылки исследования.

В различных ситуациях повседневной жизни мы так или иначе прибегаем к аргументированию своего мнения для того, чтобы убедить собеседника в истинности наших утверждений или в необходимости определённого действия.

С психолингвистической точки зрения аргументация представляет собой один из самых сложных процессов человеческого мышления. Говорящий замечает, насколько трудно аргументировать только в тех случаях, когда понимает, что не сумел точно сформулировать свою позицию или отобрать нужные языковые средства для передачи нашей мысли.

Аргументация в широком смысле предполагает не только доказательство сложных научных положений, но играет ключевую роль и в речевой деятельности в разных сферах общения.

Что же такое «аргументация»? В рамках каких наук она изучается? Разработана ли в достаточной степени теория аргументации?

В первом параграфе данной работы мы постараемся ответить на эти вопросы.

Теория аргументации имеет долгую историю. Понятие «аргументация» появилось очень давно: в античности философы Платон, Сократ, Пифагор, Аристотель и другие считали аргументацию главным способом рассуждения. Затем интерес к аргументации стал постепенно угасать, и только во второй половине XX века исследователи вновь обратились к ее изучению. В частности, новый этап философского интереса начинается с 1963 года, когда в рамках XIII Международного философского конгресса был организован симпозиум «Философская аргументация». Интерес к аргументации возрос не

только у философов, но и у представителей других областей знания. Об этом свидетельствует большое количество научных трудов, посвященных этой проблеме.

В настоящее время изучение аргументации является весьма актуальным, когда многие социально-общественные вопросы решаются в ходе полемики, дискуссии и разъяснения, частью которых является аргументация.

В последние три десятилетия наблюдается стремление учёных к построению новых теорий аргументации, которые создаются на стыке философии, риторики, лингвистики, логики и т.д.

Несмотря на это, до сих пор понятийный аппарат новой теории аргументации не разработан. Путь к достижению этой цели длинный ввиду того, что у исследователей разные подходы к самому предмету аргументации и пониманию её сути.

В процессе становления новой теории аргументации ведущую роль сыграли труды Г.А. Брутяна (1982), чьи работы посвящены философскому аспекту аргументации; С.Е. Тулмина (1958) и Х. Перельмана (1969), разрабатывавших теорию аргументации с позиций логики; Р.Х. Джонсона и Д.А. Блэра (1987), которые разработали теорию аргументации в рамках неформальной логики; В. Х. ван Еемеерена и Р. Гроотендорста (2014), которые рассматривали теорию аргументации в ракурсе прагма-диалектики.

Г.А. Брутян считает, что «природа аргументации должна быть рассмотрена именно с философской точки зрения, с позиций философской науки» (Брутян 1982, с. 48), потому что она связана с понятиями «истина» и «ложь», с закономерностями мыслительного процесса, с логическими проблемами, с социальными аспектами, т.е. влияние аргументатора на людей, и с этическими проблемами, т.е. допустимое или не допустимое в выборе аргументов и средств аргументации (Там же).

По мнению Г.А. Брутяна, философы изучают природу аргументации в двух аспектах: «один аспект <...> – это философское осмысление статуса аргументации, её места в системе общемыслительных феноменов. Но не

меньший интерес представляет выявление специфики философской аргументации» (Там же. С. 49).

Кроме того, автор отмечает, что способ аргументации и аргументативный аппарат определяются единством онтологических, гносеологических, методологических, логических и других исходных посылок (Там же. С. 50).

Предлагаемый Г. А. Брутяном философский подход к исследованию аргументации весьма интересен, однако не позволяет анализировать аргументирующую речь как лингвистический объект.

Большой вклад в исследование теории аргументации внесли труды С. Е. Тулмина «Gli usi dell'argomentazione»² (1975) и Х. Перельмана «Trattato dell'argomentazione: la nuova retorica»³ (1966). Оба исследователя независимо друг от друга пытались найти альтернативу формальной логике и создать модель аргументации, которая может быть использована либо в повседневной жизни, либо в науке.

С. Тулмин подверг критике формальную логику, главный недостаток которой видел в том, что аргументация рассматривается не в конкретных контекстах (Toulmin 1975, с. 13). А модель аргументации, ставшая центром его теории, подразумевает применение аргументации в различных ситуациях человеческой жизнедеятельности, прежде всего в юриспруденции.

Х. Перельман разработал новую теорию аргументации, которую назвал «новой риторикой» или «неориторикой» и которая создается на стыке различных дисциплин, как философия, риторика, лингвистика, логика, теория коммуникации и т.п.

В своих работах Х. Перельман и Л. Олбрехтс-Тытека отталкиваются от идей Аристотеля и развивают комплексную теорию аргументации.

² Оригинальное название – «The uses of argument».

³ Оригинальное название книги, написанной совместно Л. Олбрехтс-Тытека, – «Traité de l'argumentation – la nouvelle rhétorique».

В основе теории Х. Перельмана лежат два понятия: *убеждение* и *аудитория (адресат)*.

Убеждение представляет собой конечную цель всякой аргументации и осуществляется при достижении согласия адресатов аргументации, т.е. *аудитории* (Perelman 1966, с. 42).

Х. Перельман заимствовал понятие *аудитории* из традиционной риторики Аристотеля. Важность ориентации на аудиторию очевидна. Дело в том, что любая аргументация необходима для того, чтобы быть воздействующей, а значит, способы воздействия будут зависеть от тех людей, для кого предназначена речь оратора. Следовательно, говорящий должен всегда учитывать особенности и характеристики слушателей (Там же. С. 45).

Так, оратор должен ориентироваться на два класса объектов согласия: *реальные* и *предпочтительные* (Там же. С. 72).

Согласно точке зрения Х. Перельмана, предметом изучения аргументации являются те дискурсивные приёмы, посредством которых аргументатор способен влиять на свою аудиторию.

Суть новой риторики проявляется в аргументативных схемах, предложенных автором: якобы логические схемы аргументации; аргументативные схемы, основанные на структуре реальности; прагматическая аргументация; аргументация, основанная на аналогии и сравнении (Там же. С. 210).

Однако неоклассические теоретические подходы С. Тулмина и Х. Перельмана не достигли целей, поставленных авторами. Оба исследователя не смогли создать модели аргументации, которые полностью могли бы быть применены для описания аргументации, используемой в повседневной жизни. Тем не менее их теории и модели служат основанием для разработки новых подходов к изучению аргументации. В частности, эти работы оказали особое влияние на неформальную логику американской школы аргументации.

Неформальная логика – направление, которое появилось в США в начале 70-х годов XX века. Была предпринята попытка разработать теорию

аргументации в рамках этого направления. Среди основоположников можно назвать имена Р. Х. Джонсона и Д. А. Блэра.

Очень важно подчеркнуть, что неформальная логика – это не новый вид логики: «informal logic designates that branch of logic whose task is to develop non-formal standards, criteria, procedures for the analysis, interpretation, evaluation, critique and construction of argumentation in everyday discourse»⁴ (Johnson, Blair 2000, с. 94).

Как отмечают Р. Х. Джонсон и Д. А. Блэр, в неформальной логике исследуются разные аспекты, связанные с аргументацией: история неформальной логики, аргумент как диалог, расширение понятия аргумента; разум и аргумента, новая теория вмешательства, аргументативные схемы, структуры и диаграммы, теория ошибок, развития в теории критики аргументов, исследование социальной роли аргумента, влияние теории феминизма, возвращение к риторике и аргументация как прагматика (Там же. С. 97–98).

Несмотря на большое количество исследований в рамках неформальной логики, «informal logic has yet to come together as a clearly defined discipline, one organized around some well-defined and agreed upon systematic techniques that have a definite structure and can be decisively applied by users»⁵ (Там же. С. 94).

По этим причинам неформальная логика не может служить основой анализа материала нашего исследования.

Принципиально иной подход к аргументации был разработан представителями амстердамской школы Ф. Х. ван Еемереном и Р. Гроотендорстом.

⁴ «Неформальная логика обозначает ту отрасль логики, задача которой заключается в разработке неформальных стандартов, критериев, процедур для анализа, интерпретации, оценки, критики и построения аргументации в повседневном дискурсе» (Перевод наш – М. В.)

⁵ «Неформальная логика еще не является четко определенной дисциплиной, организованной вокруг некоторых хорошо определенных и согласованных систематических методов, которые имеют определенную структуру и могут быть активно использованы пользователями» (Перевод наш – М. В.)

В работах этих исследователей можно обнаружить критику и несогласие с позициями логиков, в том числе С. Тулмина, Х. Перельмана, которые обращают недостаточное внимание на риторику, на использование аргументации в обыденной речи и на применение аргументации в конкретных социальных контекстах. Авторы отмечают, что «a crucial difference between the pragma-dialectical rules and the rules of formal dialectics is that the former are linked to ordinary discussions in everyday language»⁶ (van Eemeren, Grootendorst 1999, с. 16).

Ф. Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст частично опирались в своих рассуждениях на теории С. Тулмина и Х. Перельмана и развивали прагма-диалектическую концепцию аргументации, пытаясь сочетать достоинства диалектики и риторики (Там же. С. 10).

Голландские учёные отмечают, что «although argumentation is a phenomenon of language use, it is clear that argumentative discourse <...> cannot be adequately dealt with by linguistics alone. <...> On the other hand <...> argumentation can also not be dealt with adequately by normative logic alone. <...> We propose an approach to argumentation in which the descriptive and the normative aspects are systematically combined»⁷ (van Eemeren, Grootendorst 1992, с. 42–43).

Следовательно, в основе этой теории аргументации лежат два аспекта: *нормативный и дескриптивный*.

Первый аспект включает диалектику, цель которой – устанавливать рациональные правила, обеспечивающие критическую направленность дискуссии и достижение цели коммуникации.

⁶ «Главная разница между прагма-диалектическими и формально-диалектическими правилами состоит в том, что прагма-диалектические правила связаны с бытовыми дискуссиями на повседневном языке» (перевод наш – М. В.)

⁷ «Хотя аргументация – это феномен пользования языком, ясно, что аргументативный дискурс <...> не может быть адекватно рассмотрен только лингвистикой. <...> С другой стороны, <...> аргументация также не может быть рассмотрена адекватно только нормативной логикой <...>. Мы предлагаем подход к аргументации, в котором описательный и нормативный аспекты систематически комбинируются» (Перевод наш – М. В.)

Дескриптивный аспект связан с риторикой, которая предопределяет выбор тех или иных стратегий, более подходящих аргументов и способов их применения в аргументативном процессе (van Eemeren et al. 2014, с. 517–518).

Взаимосвязь между нормативным и дескриптивным аспектами прагма-диалектической теории аргументации основана на пяти связанных компонентах: *философском, теоретическом, эмпирическом, аналитическом и практическом*. Они позволяют анализировать, оценивать и реализовывать аргументативный дискурс. Необходимость введения этих компонентов объясняется тем, что «in normative pragmatics scholars try to explain how the gap between the normative and the descriptive dimension can be bridged in order to integrate critical and empirical insights. But these problems can be solved with the help of a comprehensive research program consisting of five interrelated components»⁸ (Там же. С. 8).

Прагма-диалектическая теория развивается на основе четырёх методологических принципов: *функционализации, социализации, экстернализации и диалектализации* (Там же. С. 523).

Принцип *функционализации* позволяет установить роль и функции определённых фрагментов текста.

Принцип *социализации* заключается в том, что аргументация рассматривается как социальная деятельность, в которой принимают участие две стороны (протагонист и антагонист).

Согласно принципу *экстернализации*, в аргументативном дискурсе необходимо изучать лишь то, что выражено эксплицитно или имплицитно в вербальной форме.

Принцип *диалектализации* обозначает, что цель аргументации – разрешение противоречий во мнениях участников аргументативного диалога.

⁸ «В нормативной прагматике ученые пытаются объяснить, как можно преодолеть разрыв между нормативным и дескриптивным аспектами для того, чтобы сочетать критические и эмпирические идеи. Но эти проблемы могут быть решены с помощью комплексной исследовательской программы, состоящей из 5 взаимосвязанных компонентов» (Перевод наш – М. В.)

Как подсказывает самое название «прагма-диалектическая концепция аргументации», эта теория сосредоточена на взаимосвязи не только риторики и диалектики, но и прагматики.

Особенно важную роль в прагма-диалектической концепции аргументации играют десять правил ведения рациональной дискуссии, «Ten Commandments»⁹ (van Eemeren, Grootendorst 1999, с. 15), соблюдение которых обеспечивает успешное разрешение разногласий между протагонистом и антагонистом.

В нашем исследовании при описании языковых средств аргументирующей речи в спонтанном монологе мы будем опираться на прагма-диалектическую теорию аргументации.

1.2. Определение аргументации.

Хотя в нашей работе основополагающей является прагма-диалектическая теория, мы считаем необходимым рассмотреть определения аргументации, предложенные разными учёными, что позволит описать современное состояние теории аргументации и более глубоко понять проблему исследования.

Первое определение аргументации, которое мы рассматриваем, принадлежит Г. А. Брутяну: «Аргументация – это способ рассуждения, в процессе которого выдвигается некоторое положение в качестве доказываемого тезиса; рассматриваются доводы в пользу его истинности и возможные контраргументы; даётся оценка основаниям и тезису доказательства, равно как и основаниям и тезису опровержения (антитезу); опровергается антитезис; доказываемся тезис; создаётся убеждение в истинности тезиса и ложности антитезиса как у самого доказывающего, так и у оппонентов (в том числе потенциальных, возможных); обосновывается целесообразность принятия тезиса с целью выработки активной жизненной

⁹ «Десять заповедей» (van Eemeren, Grootendorst 1999, с. 15)

позиции и реализации определенных программ, действий, вытекающих из доказываемого положения» (Брутян 1982, с. 46).

В данном определении упомянуты все элементы и фазы аргументации, которые создают её структуру¹⁰.

Согласно Г. А. Брутяну, аргументация – мыслительный процесс, способ рассуждения, но не всякое рассуждение является аргументацией. Дело в том, что существуют разные типы рассуждения (например, дедукция, индукция, аналогия и т.д.), и аргументация отличается от других теми элементами и признаками, перечисленными в предложенном определении.

Автор отмечает, что каждый аргументатор ставит перед собой задачу не столько доказывать истинность тезиса, сколько убеждать собеседника в правоте своей позиции. Эти взаимодействующие цели – доказательство и убеждение – способствуют достижению конечной цели аргументации – сделать собеседника единомышленником (Брутян 1984, с. 11).

На наш взгляд, это определение является полным с точки зрения описания составляющих аргументации, но недостаточно для анализа реальных речевых продуктов. Дело в том, что, по Г.А. Брутяну, в аргументативном процессе необходимо наличие всех компонентов аргументации.¹¹ Однако практика показывает, что чаще всего имеются не все элементы, поэтому предложенное Г.А. Брутяном определение не относится к реальным и конкретным рассуждениям. Можно также добавить, что автор не уточняет, в каких именно условиях обычно требуется аргументация.

С. Тулмин рассматривает аргументацию с позиций логики. Он считает, что «un'argomentazione nasce nel momento in cui un soggetto mette in dubbio un'asserzione e focalizza l'attenzione sugli elementi da cui dipendono i meriti dell'asserzione stessa <...> Qualunque possa essere la natura della particolare asserzione <...> in ogni caso noi possiamo mettere in dubbio l'asserzione ed esigere di portare la nostra attenzione sui fondamenti (sostegni, fatti, evidenze,

¹⁰ Об этом пойдет речь в параграфе 1.3.

¹¹ См. параграф 1.3.

considerazioni, caratteristiche) da cui devono dipendere i meriti dell'asserzione. Possiamo così esigere un'argomentazione.»¹² (Toulmin 1975, с. 13–14).

Из этого становится ясно, что, по мнению С. Тулмина, главная функция аргументации – верификационная. Аргументация – это не только процесс выдвижения гипотез, из которых можно получить новые знания, но и в большей степени процесс проверки и верификации реально существующих идей.

Модель аргументации, разработанная С. Тулминым, включает в себя шесть основных элементов: утверждение, данные, основание, поддержка, контраргумент и квалификатор¹³.

Главный недостаток определения, данного С. Тулминым, заключается в том, что не учитывается адресат. Внимание учёного сосредоточено только на верификационной функции аргументации и на роли аргументатора.

Х. Перельман и Л. Ольбрехтс-Тытека предлагают следующую дефиницию аргументации: «argomentare significa costruire dei ragionamenti mediante i quali si intende influire sugli altri e far loro cambiare o assumere una determinata opinione»¹⁴ (Perelman, Olbrechts-Tyteca 1966, с. 75).

Данное определение фокусируется на понятиях «аудитория» и «убеждение», которые, как было сказано выше, являются основными для новой риторики Х. Перельмана.¹⁵

Рассуждения, выдвинутые аргументатором, имеют определённую структуру и основываются на ряде предпосылок, принятых аудиторией (Там

¹² «Аргументация возникает, когда человек ставит под сомнение утверждение и обращает внимание на те элементы, на которых основывается данное утверждение. Природа утверждения может быть любой <...>, но в каждом случае мы берём под сомнение утверждение и обращаем внимание на те элементы (основы, факты, доказательства, соображения, особенности), от которых зависит успешность аргументации. Таким образом, мы требуем аргументации» (перевод наш – М. В.).

¹³ Об этом пойдет речь в параграфе 1.3.

¹⁴ «Аргументировать означает создать ряд рассуждений, с помощью которых аргументатор хочет влиять на собеседников и заставить их принять или изменить одно мнение» (перевод наш – М. В.).

¹⁵ См. параграф 1.1.

же). Такие предпосылки являются положениями, с которыми аудитория соглашается и которые лежат в основе целого процесса аргументации.

Из этого толкования легко понять цель аргументации, но остальные данные (элементы аргументации, условия возникновения аргументации) отсутствуют, в связи с чем мы считаем его неприменимым для целей нашей работы.

В работе Л.Г. Васильева «Аспекты аргументации: Материалы по общему языкознанию» (1992) речь идёт об аргументативной ситуации, под которой понимается «ситуация взаимодействия субъектов общения, в которой происходит обмен мнениями с отставанием некоторой позиции» (Васильев 1992, с. 3).

По мнению автора, аргументативная ситуация может реализоваться в двух разных контекстах: «в условиях как реального, так и отсроченного диалога между людьми» (Там же. С. 3). Отсроченный диалог обозначает те ситуации, в которых человек работает с письменными текстами. Условия письменной речи влияют на реализацию процесса аргументации.

Л.Г. Васильев отмечает, что возникновение когнитивного диссонанса у собеседника является основным условием реализации аргументативной ситуации: собеседник хочет что-то узнать в ходе общения и поэтому принимает участие в процессе аргументации.

Думается, что определение аргументации, предложенное Л.Г. Васильевым, неполное и не совсем ясное. Например, непонятно, что автор подразумевает под «отставанием некоторой позиции».

Другое, заслуживающее внимания толкование принадлежит Ф.Х. ван Еемерену и Р. Гроотендорсту. Они рассматривают аргументацию как «a communicative and interactional act complex aimed at resolving a difference of opinion with the addressee by putting forward a constellation of propositions the

arguer can be held accountable for to make the standpoint at issue acceptable to a rational judge who judges reasonably»¹⁶ (van Eemeren et al. 2014, с. 7).

Представители голландской школы подчёркивают, что аргументация возникает в ответ на разногласия или на их ожидание, и неважно, является ли это расхождение мнений реальным или просто предполагаемым. Это разногласие может быть эксплицитно выраженным или имплицитным, но оно должно всегда присутствовать, иначе нет смысла в выдвижении аргументов (Там же. С. 2).

Как полагают Ф.Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст, аргументация характерна для диалога, который может быть имплицитным или эксплицитным. Это означает, что иногда аргументация направлена на не интерактивную аудиторию или читателей, которые могут даже физически не присутствовать.

Монолог находит своё место в данной концепции аргументации, поэтому в целях предпринятого нами исследования возможна опора на прагма-диалектическую теорию.

1.3. Специфика и структура аргументации: прагма-диалектический подход.

В данном параграфе рассматриваются различные теории аргументации и обосновывается выбор прагма-диалектического подхода в качестве лингвистической основы для нашего исследования.

1.3.1. Типы аргументации.

Как отмечалось ранее, по мнению Г. А. Брутяна, аргументация – мыслительный процесс. И как мыслительный процесс аргументация обладает двумя особенностями. Во-первых, «именно по форме аргументация является универсальным средством независимо от национального, социального,

¹⁶ «<...> коммуникативный и интерактивный комплекс актов, направленный на разрешение разногласий с адресатом при помощи ряда предложений, выдвигаемых адресантом для того, чтобы спорная точка зрения была принята объективным судьей» (перевод наш – М. В.).

классового и других прочих параметров» (Брутян 1982, с. 48). И во-вторых, каждая предметная область, в которой говорящий оперирует аргументативными приемами, влияет на аргументацию в целом и на взаимосвязь её элементов.

Г. А. Брутян считает, что именно предметная область является тем принципом, на основе которого можно составить типологию аргументации. Основываясь на этом принципе, можно выделить следующие виды аргументации: *политическая, юридическая, философская, аргументация в естественнонаучной теории* и др. (Брутян 1984, с. 37).

Совершенно другой принцип классификации типов аргументации предлагает С. Тулмин. Он выделяет следующие типы:

- *Формально-действенная и неформально-действенная аргументация.* Аргументацию можно назвать формально-действенной, если она следует формуле: «Dati; garanzia; dunque, conclusione»¹⁷ (Toulmin 1975, с. 111). А для того чтобы назвать аргументацию неформально-действенной, она должна следовать формуле «Dati; fondamento; dunque, conclusione»¹⁸ (Там же);
- *Дедуктивная и индуктивная аргументация.* Дедуктивные аргументации используются для доказательства тезиса с помощью одного данного и одного основания, принятого всеми. А в ходе индуктивных аргументаций основание устанавливается и подкрепляется последующими экспериментами;
- *Аналитическая и существенная аргументация,* т.е. соответственно аргументация, которая применяется в сфере математики, и аргументация, которая реализуется в повседневной жизни.

¹⁷ «Данные; основание; поэтому, заключение» (Перевод наш – М. В.)

¹⁸ «Данные; поддержка; поэтому, заключение» (Перевод наш – М. В.)

В книге «Trattato dell'argomentazione: la nuova retorica» (1966) Х. Перельман и Л. Олбрехтс-Тытека предложили несколько критериев классификации аргументации.

Первый критерий – *разновидность аудитории*. Каждая аудитория может быть конкретной или универсальной, в соответствии с этим можно выделить два типа аргументации.

Далее, аргументация зависит от *видов и особенностей используемых аргументов*: аргументы, которые относятся к реальности, и аргументы, которые выражают предпочтения.

Кроме того, как отмечалось ранее, можно классифицировать аргументацию в зависимости от *используемых аргументативных схем*¹⁹ (Perelman, Olbrechts-Tyteca 1966).

В приведенном выше определении, принадлежащем Г. А. Брутяну²⁰, представлена общая структура аргументации. Рассмотрим более подробно её компоненты.

Каждая аргументация начинается с выдвижения определённого положения, т.е. тезиса аргументатора. Тезис – положение, истинность которого должна быть доказана аргументатором и вокруг которого разворачивается целое рассуждение.

Второй компонент аргументации – постановка вопроса. Правильная формулировка вопроса является одним из условий успешной аргументации, так как способствует взаимопониманию между участниками в диалоге.

Г. А. Брутян полагает, что аргументы – это ряд «взаимосвязанных утверждений» (Брутян 1984, с. 21) и «с помощью одних аргументов устанавливается истинность тезиса, с помощью других – обосновывается целесообразность его принятия, демонстрация его преимуществ по сравнению с другими подобными утверждениями, предложениями и т.д.» (Там же).

¹⁹ См. параграф 1.1.

²⁰ См. параграф 1.2

Не менее важной является форма аргументации, которая может быть *внешней* и *внутренней*. Последняя представляет собой совокупность аргументов. По мнению Г. А. Брутяна, как и большинства современных исследователей аргументации, идеальная среда для аргументации – диалог, потому что совместные действия коммуникантов позволяют достичь результата аргументации. Существуют и другие формы аргументации, например, монологическая речь, в ходе которой аргументатор мысленно ориентируется на оппонента.

Другие компоненты аргументации – убеждение собеседников и обоснование, т.е. «процесс оценки защищаемого тезиса аргументации, как и опровергаемого антитезиса, средств доказывания и опровержения ... установления целесообразности выбора из истинных утверждений именно тезиса аргументации, оправдания цели аргументации и т.д.» (Там же. С. 31).

Последний компонент аргументации – цель, которую ставит перед собой аргументатор: сделать собеседника своим единомышленником.

Г.А. Брутян подчёркивает, что на практике не всегда все компоненты аргументации выражены эксплицитно. Наличие в явной форме того или иного элемента зависит исключительно от аргументатора, который выдвигает на первый план определенный элемент в зависимости от своей цели. Однако все компоненты в эксплицитном или имплицитном виде должны присутствовать и составлять единую систему. В противном случае аргументация не сможет достичь своей цели.

На наш взгляд, описание аргументации, которое дано Г. А. Брутяном, следует признать достаточно полным, но в предложенной структуре не учитывается применение аргументации в конкретных контекстах.

Большее распространение в научных кругах получила структура аргументации, разработанная С. Тулмином. В этой структуре шесть элементов (Toulmin 1975, с. 91–94):

- утверждение или тезис, т.е. выдвинутое аргументатором положение, которое должно быть доказано;

- данные, т.е. то, на чём основывается аргументатор, чтобы доказать свою мысль;
- основание, т.е. предположения, с помощью которых аргументатор из имеющихся данных получает такой вывод, такое утверждение;
- поддержка, т.е. дополнительные данные;
- возможный контраргумент;
- квалификатор, т.е. слова или словосочетания, которые выражают степень уверенности аргументатора и его тезиса.

С. Тулмин подчёркивает, что из всех компонентов только три являются основными: утверждение (тезис), данные и основание. Другие элементы необходимы аргументатору в случае возникновения трудностей в ходе дискуссии.

На *схеме 1* представлены компоненты аргументации.

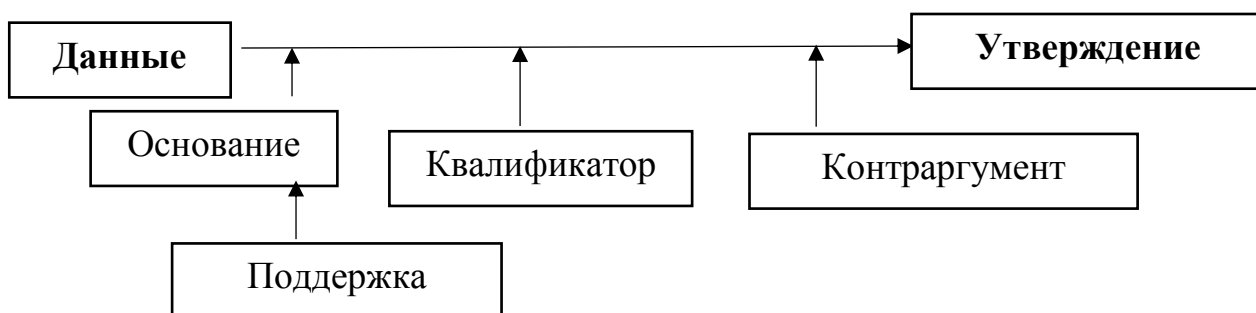

Схема 1. Компоненты аргументации (Toulmin 1975, с. 93).

В.З. Демьянков²¹, основываясь на позиции С. Тулмина, выделяет следующие компоненты аргументации:

- а) данные (или факты);
- б) содержание основного защищаемого утверждения ("заключение");
- в) обоснование (гарантия правильности заключения);
- г) обстоятельства, поддерживающие это обоснование (например, аргументы);
- д) оценка относительной силы аргументов;

²¹ В.З. Демьянков исследует аргументацию в рамках когнитивной лингвистики.

е) уступки, позволяющие доказывающему, не отказываясь от своей основной цели, как бы пойти навстречу потенциально возражающей аудитории (Демьянков 1982, с. 115).

1.3.2. Точки зрения и разновидности спора.

Для того чтобы описать специфику и структуру аргументирующей речи с точки зрения прагма-диалектического подхода и понять, почему она в большей степени подходит для нашего исследования, нужно вернуться к определению аргументации, которое рассматривалось в параграфе 1.2., и пояснить некоторые термины и понятия.

Английский термин "standpoint", используемый авторами (van Eemeren, Grootendorst 1992, с. 17), соотносится с русским термином "точка зрения". Она является обязательным компонентом аргументации, поскольку именно выдвижение одной точки зрения вызывает то различие во мнениях (реальное или воображаемое), которое необходимо для начала аргументативного процесса.

Согласно голландской школе, аргументация предполагает выстраивание одним из коммуникантов цепочки предложений, с помощью которых спорная точка зрения должна быть оценена как объективная (van Eemeren et al. 2014, с. 7).

Ф. Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст отмечают, что точка зрения может быть связана с любой сферой жизнедеятельности человека, может относиться к фактам, идеям, действиям, оценке и т.д. Точки зрения касаются как самых сложных понятий, так и самых простых. Следовательно, и аргументация может быть или относительно простой и краткой, или сложной и длинной. В одном споре может обсуждаться одна и более точек зрения.

По мнению Ф. Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста, точки зрения могут быть положительными, отрицательными или нулевыми.

Обратимся к примеру, приведенном в книге «Аргументация, коммуникация и ошибки» (Там же. С. 18–19).

На лекции профессор высказывает суждение, что *«бихевиоризм – устаревшая психологическая теория»*. Услышав это, три слушателя могут отреагировать следующим образом:

1. Первый согласен с мнением лектора и говорит: *«Верно, что бихевиоризм – устаревшая психологическая теория»*. У него положительная точка зрения по отношению к утверждению;
2. Второй не согласен с мнением лектора и говорит: *«Неверно, что бихевиоризм – устаревшая психологическая теория»*. У него отрицательная точка зрения по отношению к утверждению;
3. Третий говорит: *«Я не знаю, верно или нет то, что бихевиоризм – устаревшая психологическая теория»*, т.е. это нулевая точка зрения по отношению к утверждению. Другими словами, в этом случае точка зрения как таковая отсутствует. По каким-то причинам человек не желает высказывать своё мнение или не может вследствие того, что у него нет знаний об обсуждаемой теме.

Ф. Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст выделяют разные виды спора. Следует иметь в виду, что спор возникает, когда есть сомнение относительно конкретной точки зрения. Авторы отмечают, что иногда сомнение участвующих в споре не явно выражено, однако предположительно оно имеется. Эти споры называются имплицитными или подразумеваемыми. В монологе говорящий ориентируется на потенциальное сомнение воображаемого собеседника.

По мнению Ф.Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста, споры могут быть единичными или множественными, смешанными или несмешанными. Иногда эти типы сочетаются и, следовательно, возможны единичный несмешанный спор, множественный несмешанный спор, единичный смешанный спор и множественный смешанный спор.

В единичном споре точка зрения относится только к одному утверждению, а во множественном споре – к двум или более утверждениям. Например, *«Неверно, что женщины лучше готовят, чем мужчины»* –

отрицательная точка зрения, которая может вызвать единичный спор (Там же. С. 20). А отрицательная точка зрения «*Неверно и то, что женщины лучше готовят, чем мужчины, и то, что они лучше водят машины, чем мужчины*» может вызвать множественный спор (Там же).

Ф. Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст описывают смешанные и несмешанные споры следующим образом: «В несмешанном споре ставится под сомнение либо положительная, либо отрицательная точки зрения, относящиеся к утверждению, в то время как в смешанном споре ставится под сомнение и положительная, и отрицательная точки зрения» (Там же. С. 20–21).

В качестве примера авторы приводят следующие диалоги:

- Единичный несмешанный спор:

LU₁²²: *Эту проблему легко будет решить.*

LU₂: *Действительно?*

- Единичный смешанный спор:

LU₁: *Никогда не следует принимать аспирин с молоком.*

LU₂: *Да можно же.* (Там же. С. 22–23)

1.3.3. Структура аргументации.

В определении аргументации с точки зрения прагма-диалектической теории важно, что говорящий выдвигает ряд предложений, чтобы поддержать ту или другую точку зрения. Эти предложения называются аргументами.

В зависимости от количества аргументов и типов связи между ними возможны разные виды аргументации.

Единичная аргументация – та аргументация, которая включает в себя только один аргумент в поддержку точки зрения. Остальные виды аргументации включают более одного и могут быть рассмотрены как комбинацию двух или более единичных аргументаций.

²² LU обозначает *language user*, т.е. говорящий.

Каждая аргументация «в большей или меньшей степени является сложной» (van Eemeren, Grootendorst 1992, с. 72). Степень сложности аргументации зависит от типа спора и от организации защиты точки зрения.

Сложная аргументация может быть множественной, сочинительной или подчинительной.

• Множественная аргументация

Множественная аргументация – это «комбинация двух или более отдельных аргументаций, <...> которые являются альтернативными типами защиты одной и той же точки зрения» (Там же). Отличительная черта множественной аргументации заключается в том, что каждый аргумент – самостоятельный и достаточный для защиты точки зрения.

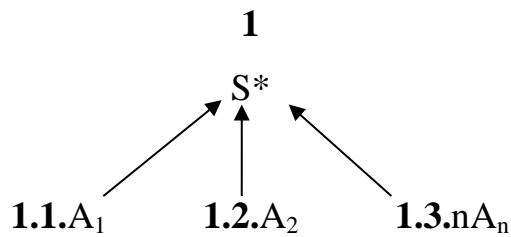
В ряде случаев кажется, что наличие более, чем одного аргумента излишне. Авторы отмечают, что говорящий выдвигает ряд аргументов, чтобы усилить аргументацию или чтобы разрешить собственные сомнения, касающиеся его точки зрения. Однако не все аргументы имеют одинаковую силу.

Для пояснения вышесказанного приведем пример множественной аргументации: *Доставка почты в Голландии далека от совершенства. Нельзя быть уверенными, что письмо будет доставлено на следующий день, по правильному адресу и доставлено утром* (Там же).

В этом примере можно найти три независимых аргумента в поддержку точки зрения (*Доставка почты в Голландии далека от совершенства*):

- *Пересылка писем занимает больше одного дня;*
- *Иногда письма доставляются не по указанному адресу;*
- *Письма не всегда доставляются утром.*

Ф. Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст предлагают схему множественной аргументации (схема 2):

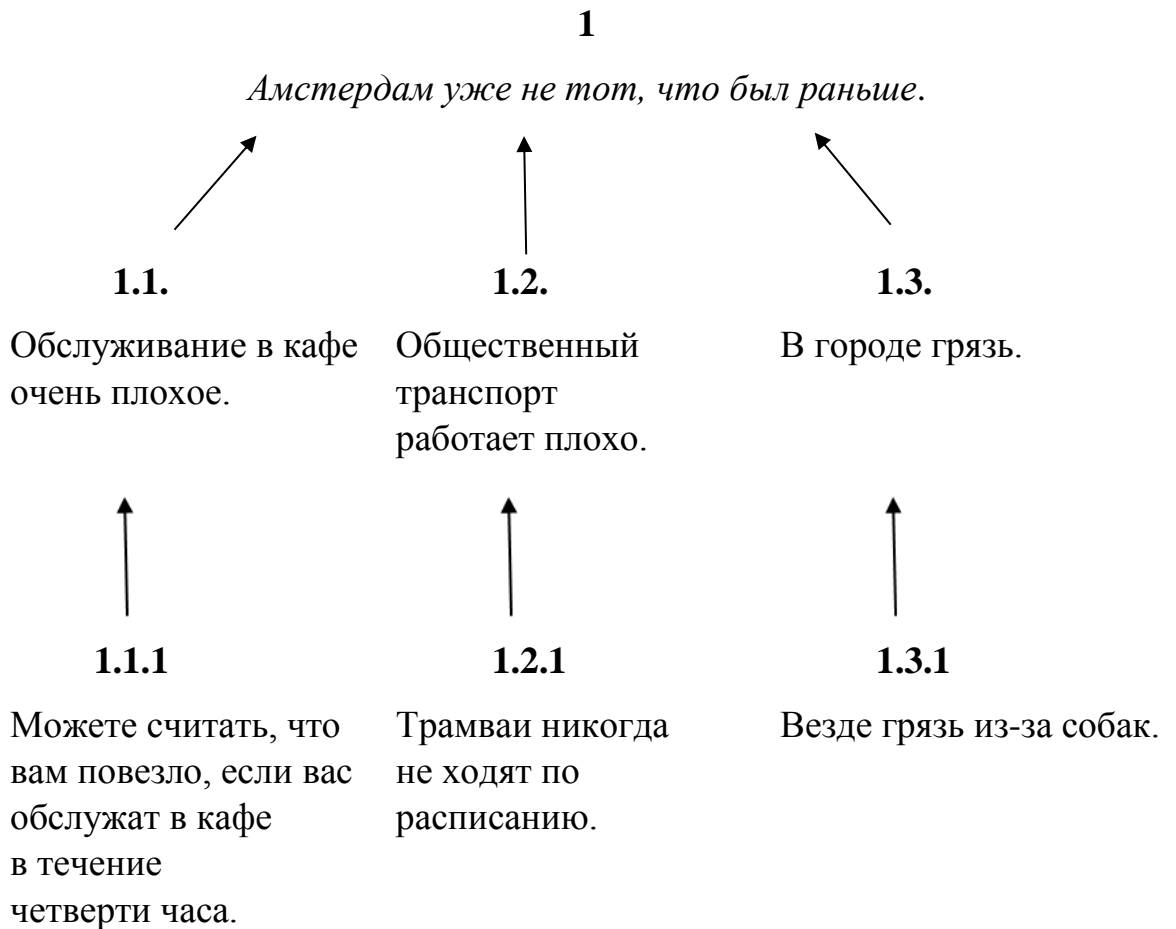

*S – точка зрения, A – единичная аргументация.

Схема 2. Структура множественной аргументации (по Ф. Х. ван Еемерену и Р. Гроотендорсту).

В предложенной схеме очень важное значение приобретают связи между аргументами, а также между аргументами и точкой зрения. Таким образом становится понятно, что мы имеем дело со множественной аргументацией, поскольку аргументы представлены отдельно (нет зависимости между ними).

Приведем еще один пример (Там же. С. 75):

В данном примере для защиты точки зрения «*Амстердам уже не тот, что был раньше*» используются три самостоятельных аргумента: 1.1; 1.2; 1.3, при этом каждый аргумент имеет свой субаргумент (1.1.1; 1.2.1; 1.3.1).

• **Сочинительная сложная аргументация**

Сочинительная сложная аргументация отличается от множественной тем, что все аргументы, необходимые для защиты точки зрения, связаны друг с другом.

Дело в том, что каждый аргумент является убедительным только в сочетании с другими аргументами. Аргументы обеспечивают убедительную защиту точки зрения только если они взяты в совокупности.

Следовательно, если только один аргумент является ложным, вся аргументация разрушается. Тем не менее это не значит, что все аргументы одинаково убедительные.

Сочинительная сложная аргументация представлена в *схеме 3* (Там же. С. 76):

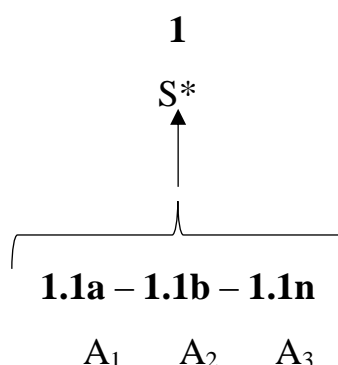
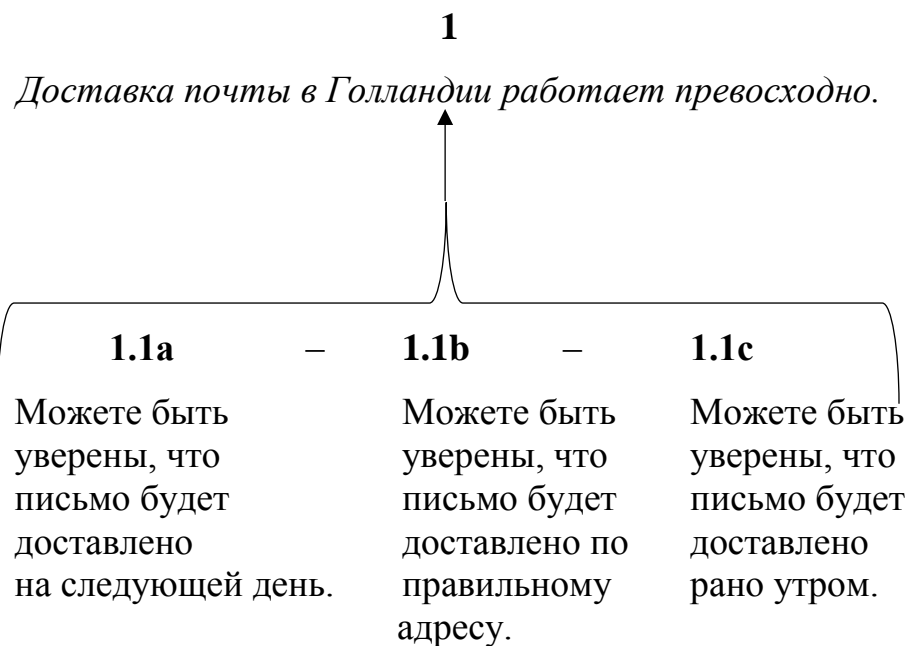

Схема 3. Структура сочинительной сложной аргументации.

*Фигурная скобка и тире показывают, что аргументы A1, A2 и A3 должны быть рассмотрены в совокупности. Стрелка обозначает, что все аргументы связаны непосредственно с точкой зрения.

Проиллюстрируем эту схему (Там же):

Не всегда легко понять разницу между множественной и сочинительной аргументациями, хотя и существуют некоторые маркеры, которые помогают их разграничить. Так, только в сочинительной сложной аргументации используются следующие слова и выражения: *эти две вещи, взятые вместе, приводят к выводу, что...; если также помнить, что...; в дополнение к тому факту, что...; а также тот факт, что...* (Там же. С. 79). Слова и выражения, относящиеся к сложной или подчинительной, невозможные во множественной аргументации: *в заключение; из этого следует, что...; это следует из...; если принять все во внимание...; всё взвесив...; следовательно; в целом.*

Несмотря на трудности разграничения видов аргументации, Ф.Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст подчёркивают, что самое главное – то, что «в любом случае структуру аргументации следует установить таким образом, чтобы она не зависела от частных суждений» (Там же. С. 78).

• Подчинительная сложная аргументация

Подчинительная сложная аргументация является одним из видов сложной аргументации, в которой некоторые аргументы связаны не с точкой зрения, а с другими аргументами. Дело в том, что подчинительная

аргументация возникает, когда сам аргумент требует защиты, поэтому аргументация приобретает вид вертикальной цепочки (схема 4):

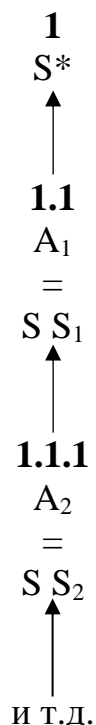

Схема 4. Структура подчинительной сложной аргументации.

S^* – точка зрения, A_1 – первичная аргументация, которая в свою очередь должна быть защищена и является второй точкой зрения или первым субположением $S S_1$. A_2 – это и аргумент в защиту $S S_1$ и новая точка зрения (или второй субположение).

На схеме 4 видно, что все аргументы взаимосвязаны и завершающая защита обеспечивается их единством.

В практике редко встречается в чистом виде единичная, множественная, сочинительная или подчинительная аргументация, в большинстве случаев они комбинируются. Например (см. сх. 5):

Она не будет беспокоиться об экзамене. Она обязательно сдаст его. Она никогда не проваливалась раньше, она хорошо готова, она не нервничает, она знает предмет. Кроме того, ей все равно, сдаст она экзамен или нет. (Там же. С. 82).

1

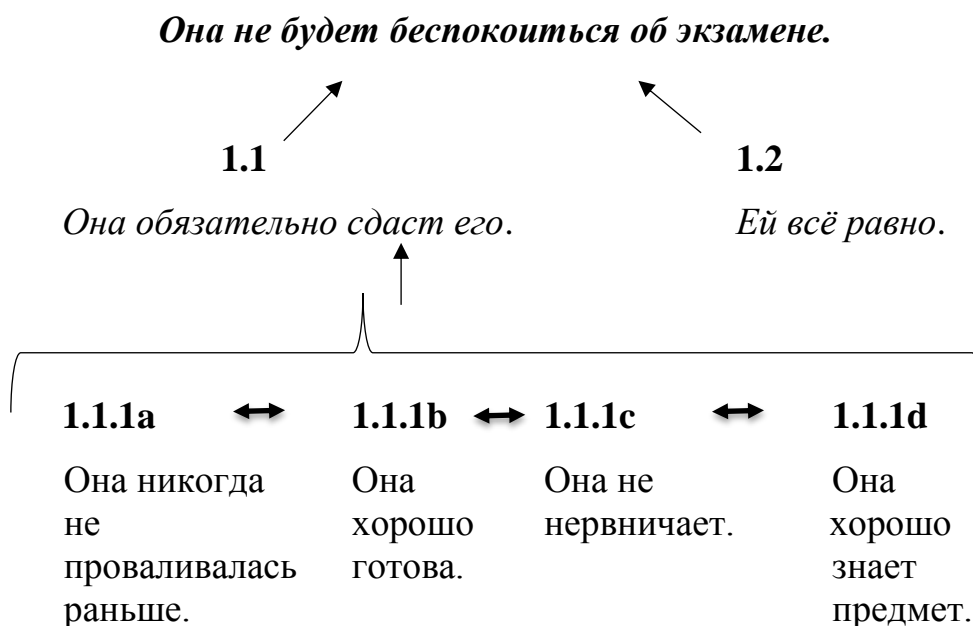

Схема 5. Комбинации аргументаций.

В данном примере представлена комбинация множественной, сочинительной и подчинительной аргументации.

Аргументы 1.1 и 1.2 относятся ко множественной аргументации: они не связаны друг с другом, но связаны непосредственно с точкой зрения, и каждый из них достаточен для защиты точки зрения.

Аргументы 1.1.1a-d связаны между собой и представляют сочинительную аргументацию. Но поскольку они непрямо относятся к точке зрения 1, то можно сказать, что аргумент 1.1 и аргументы 1.1.1 a-d составляют подчинительную аргументацию.

1.3.4. Идеальная модель критической дискуссии (применительно к теории речевых актов)

Прагматический аспект прагма-диалектической теории аргументации предполагает, что теоретическая модель критической дискуссии основывается на теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля, но с некоторыми необходимыми изменениями (van Eemeren et al. 2014, с. 527).

Дело в том, что, по мнению Ф.Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста, общение – обмен речевыми актами разной степени сложности и «in our pragma-dialectical theory of argumentation, we describe argumentation as a complex speech act, the purpose of which is to contribute to the resolution of a difference of opinion, or dispute»²³ (van Eemeren, Grootendorst 1992, с. 44).

Рассмотрим более подробно влияние теории речевых актов на прагма-диалектическую теорию аргументации.

Предлагаемая Ф.Х. ван Еемереном и Р. Гроотендорстом модель указывает, какие речевые акты участвуют в разрешении спора, что является целью аргументации на различных стадиях дискуссии. Некоторые речевые акты не включены в эту модель, поскольку они не вносят весомого вклада в разрешение спора, но могут быть психологически важными, например, могут создать соответствующую атмосферу для спора.

Ф.Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст разработали идеальную модель критической дискуссии, состоящую из четырёх стадий, в каждой из которых осуществляются разные речевые акты (Там же. С. 529–530):

1. *Стадия конфронтации.* На этой стадии устанавливается, что есть основания для спора и с этого начинается аргументация;
2. *Стадия начала дискуссии.* Стороны принимают решение попытаться разрешить спор. Каждая сторона определяет свою роль (протагонист или антагонист). Протагонист и антагонист должны договориться о правилах дискуссии.
3. *Стадия аргументации.* Протагонист начинает защищать свою точку зрения, а антагонист старается ее опровергнуть.
4. *Заключительная стадия.* На последней стадии протагонист и антагонист устанавливают, как разрешен спор.

²³ «В нашей прагма-диалектической теории аргументации мы описываем аргументацию как сложный речевой акт, цель которого – способствовать разрешению разногласий или споров» (Перевод наш – М. В.).

Согласно мнению Ф.Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста, «...four stages are distinguished in the conduct of a critical discussion: defining the difference of opinion ('confrontation' stage), establishing the starting-point of the discussion ('opening' stage), exchanging arguments and critical reactions in order to resolve the difference ('argumentation' stage), and determining the result of the discussion ('concluding' stage)»²⁴ (van Eemeren, Grootendorst 1999, с. 15).

Исследователи подчёркивают, что «at every stage of a discourse aimed at bringing about a critical discussion, specific obstacles may arise that can impede the resolution of the difference of opinion»²⁵ (Там же).

Представители голландской школы считают, что идеальная модель «... should provide a vital guidance: it can be a point of reference not only in analysing and evaluating extant argumentative discourse, but also in reflecting upon the production of oral and written argumentative discourse»²⁶ (van Eemeren et al. 2014, с. 529).

С одной стороны, эта модель играет ключевую роль, поскольку в теоретическом плане описывает, как должна осуществляться критическая дискуссия и как могут разрешаться разногласия между протагонистом и антагонистом. С другой стороны, именно потому, что модель – теоретическая, в ряде случаев она не учитывает реальные условия, в которых необходима аргументация.

Однако идеальная модель дискуссии отличается от аргументации в реальном общении, поэтому выделенные стадии иногда могут быть имплицитными или присутствовать не в этом порядке. Эта модель

²⁴ «... выделяются четыре стадии критической дискуссии: определение различий во мнениях (стадия конфронтации), определение отправной точки рассуждения (стадия открытия дискуссии), обмен мнениями и критические реакции для устранения разногласий (стадия аргументации) и определение результата рассуждения (заключительная стадия)» (Перевод наш – М. В.).

²⁵ «На каждом этапе дискурса, направленного на критическую дискуссию, могут возникать определённые препятствия, мешающие разрешению разногласий» (перевод наш – М. В.).

²⁶ «<...> должна служить руководством к действию: она может быть ориентиром не только для анализа и оценки действующего аргументативного дискурса, но и для размышления над продуцированием устного и письменного аргументативного дискурса» (Перевод наш – М.В.)

приобретает практическую значимость только в том случае, если можно определить, какие речевые акты содействуют разрешению спора на различных стадиях (van Eemeren, Grootendorst 1992, с. 39).

Ассертивные речевые акты (ассертивы) позволяют говорящему выразить своё мнение о чём-то. Ассертивными актами являются утверждение, заключение и предположение. Они встречаются на стадии конфронтации, где говорящий выражает рассматриваемую точку зрения, на стадии аргументации, где необходимы аргументы в защиту точки зрения и на заключительной стадии, где резюмируется исход дискуссии.

Директивные речевые акты (директивы) – те коммуникативные акты, с помощью которых говорящий пытается либо заставить слушателя делать что-то, либо удержать его от возможных поступков. Директивы участвуют в дискуссии на стадии конфронтации, где протагонист выдвигает свою точку зрения, и на стадии аргументации, где протагонист защищает свою точку зрения. Директивными речевыми актами являются просьба, вопрос, приказание и рекомендация.

Комиссивные речевые акты (комиссивы) – те акты, с помощью которых говорящий обязуется совершить то, что выражено в пропозиции речевого акта, или воздержаться от этого. Это могут быть обещание, одобрение и соглашение. Комиссивы встречаются на всех стадиях аргументации. На первой стадии аргументации они используются для принятия вызова защищать точку зрения. На стадии конфронтации и на заключительной стадии комиссивы выражают принятие или непринятие точки зрения. На стадии аргументации они могут быть использованы для принятия или непринятия аргументации.

Другие речевые акты, экспрессивные и декларативные, не прямо содействуют разрешению спора, но, как уже было сказано выше, вносят определенный вклад.

Ранее мы отмечали, что в реальной коммуникации аргументация может осуществляться в виде монологической речи, где говорящий/пишущий предвидят возможное сомнение предполагаемого антагониста.

В этом случае все четыре стадии критической дискуссии должны быть представлены в несколько измененном виде (van Eemeren et al. 2002, p. 29):

1. *Стадия конфронтации*: говорящий/пишущий устанавливает, что предполагается спор, поскольку выдвигает либо имеющиеся сомнения, либо потенциальные сомнения;
2. *Стадия начала дискуссии*: говорящий/пишущий утверждает, что готов к решению спорного вопроса;
3. *Стадия аргументации*: говорящий/пишущий приводит аргументы;
4. *Заключительная стадия*: говорящий/пишущий констатирует, что предмета спора больше нет.

Разумеется, в аргументативном монологе наличествуют не все речевые акты, которые представлены в идеальной модели критической дискуссии. Кроме того, речевые акты, используемые антагонистом, в монологе реализуются только говорящим/пишущим.

1.4. Лексические и синтаксические особенности аргументирующей речи.

Анализ языковых средств аргументирующей речи чрезвычайно важен, поскольку исследование лексических и синтаксических элементов позволяет понять структуру аргументации и ее формальные маркеры.

Прежде чем описать такие средства, представляется необходимым выяснить значение и употребление термина «аргументирующая речь», поскольку не существует единой точки зрения на понимание данного термина.

Учёные по-разному называют ту речь, направлена на убеждение слушателей: внушающей, агитационной, речью убеждающей окраски, агитирующей, убеждающей и т.д. Эти термины отличаются друг от друга, и в

современной риторике нет общепринятой точки зрения по поводу их разграничения.

В античной риторике использовался термин "совещательная речь", аналогом которого сейчас является "убеждающая речь". Согласно древнегреческим и древнеримским риторам, три фактора определяют успешность убеждающей речи, т.е. достижение цели убедить слушателей: качества речи, настроения слушателей и нравственная позиция оратора (Буваева 2014, с. 76).

Во многих современных исследованиях по риторике убеждающая речь считается разновидностью аргументирующей речи. Например, А.К. Михальская утверждает, что «и убеждающая, и агитирующая речь имеют много общего, так что их можно объединить под общим названием "аргументирующая речь"» (Михальская 1996, с. 279).

Цель аргументирующей речи – это убеждение, оратор может убеждать в правильности определённого мнения или в необходимости определённого действия. Именно этим определяется разница между убеждающей и агитирующей речью. В первом случае, когда цель оратора заключается в том, чтобы убедить слушателей в правоте своего мнения, мы имеем дело с убеждающей речью. А если говорящий хочет убедить в необходимости некоего действия, – это речь агитирующая (Там же. С. 279–280).

А. К. Михальская приводит следующие примеры:

- убеждающая речь – *оратор хочет убедить слушателей в том, что именно эта партия действительно представляет интересы России;*
- агитирующая речь – *оратор хочет убедить слушателей в том, что всем нужно пойти на выборы и проголосовать за кандидата от данной партии* (Там же. С. 280).

Среди исследователей, которые возражают против отнесения убеждающей речи к разновидностям аргументирующей речи, можно назвать Т.Е. Тимошенко, Р. Вердербера и К. Вердербера, И.А. Стернина.

Так, Т.Е. Тимошенко полагает, что убеждающая и аргументирующая речь – очень близкие термины. Дело в том, что убеждение – это цель аргументации, и причастие *‘убеждающая’* происходит от глагола *‘убеждать’*. Под убеждающей речью Т.Е. Тимошенко понимает «речь, предназначенную воздействовать на мысли аудитории (формировать новые взгляды, изменять существующие взгляды)» (Тимошенко 2009, с. 9).

Р. Вердербер и К. Вердербер определяют убеждающую речь как «процесс, в ходе которого оратор передаёт сообщение, предназначенное для укрепления определённого убеждения аудитории, его изменения или побуждения аудитории к действию» (Вердербер, Вердербер 2003, с. 291).

Из данного определения ясно, что Р. Вердербер и К. Вердербер объединяют под общим названием те два аспекта, которые А. К. Михальская чётко разделила: убеждение и в правоте мнения, и в необходимости действия входят в убеждающую речь.

Иное определение даёт И.А. Стернин: «Убеждающая речь – это выступление, в котором говорящий ставит целью заставить аудиторию поверить в правильность его точки зрения, логически доказать или опровергнуть какие-либо положения, стремится объяснить сущность явлений и их взаимосвязь. Убедить – это заставить поверить в свою правоту» (Стернин 2011, с. 139). Автор не говорит о побуждении слушателей к действию.

На наш взгляд, позиция А. К. Михальской является более последовательной. Тем не менее надо всегда учитывать, что чаще всего убеждающая и агитирующая речь сосуществуют в одном выступлении и в практике чрезвычайно трудно отличить один тип от другого.

Основываясь на прагма-диалектическом подходе к изучению аргументации, Н.А. Ощепкова в статье «Языковые средства описания аргументативности» описывает языковые элементы аргументирующей речи, выделяя лексические и синтаксические средства описания аргументативности в английском языке (Ощепкова 2011).

В группу лексических средств входят:

- Глагольные средства, которые в свою очередь включают
 - глаголы, выражающие согласие/несогласие, соглашение/несоглашение: *to offer, to suggest, to propose, to accept, to decline, to deny, to persuade*;
 - экспозитивные глаголы: *to agree, to protest, to explain, to conclude, to reason, to argue*.
- Средства выражения согласия: *yes, nice, sure*; и несогласия: *no, wrong, nonsense*.
- Высказывания прохибитивного характера. Они закрывают обсуждаемую тему или запрещают избранный тип воздействия: *I don't want to talk about it; Don't start blaming me*.
- Адверсативные союзы и наречия с противительным значением: *but, still, only, nevertheless*. По мнению Н. А. Ощепковой, адверсативные союзы являются сильными формальными индикаторами контртезисных высказываний.
- Причинные наречия. Они обычно вводят аргументы: *because, for as*; или выводы: *thus, so, therefore*.
- Операторы: *little, a little, almost, barely, hardly*. Они позволяют понять имплицитную мысль высказываний, которую нельзя понять, только исходя из информативного содержания. Приведем некоторые примеры:
There were twenty people. So the party was a success.
*There were barely twenty people. So the party was a success.*²⁷
 Первое предложение – нейтральное. Во втором предложении оператор *barely* придает иронический оттенок.
- Маркеры множественной аргументации: *by the way, incidentally, while apart from, needless to add that*.

²⁷ Было двадцать человек. Поэтому вечеринка прошла успешно.

Было почти двадцать человек. Поэтому вечеринка прошла успешно. (Перевод наш – М.В.)

- Маркеры сочинительной аргументации: *this to thig combined, lead to the conclusion that, when it is also remembered that, in addition to the fact, as well as the fact that.*
- Маркеры подчинительной аргументации: *since because, because.*
- Средства модальности. Они являются языковыми показателями иллокутивной силой высказываний. В частности, можно выделить:
 - Глаголы с противительным значением и с алетической модальностью: *to refute, to disprove, to rebut, to disapprove, to contradict, to convict.*
 - Глаголы с противительным значением и с акциональной модальностью: *to refuse, to reject, to decline, to repel.*
 - Модальные наречия: *possibly, probably, certainly.*
 - Модальные прилагательные: *possible, probable, certain, eventual.*
 - Модальные глаголы: *to can, to must, to suppose, to believe, to think.*

Синтаксические средства включают разные типы предложений, особое синтаксическое построение и вводные конструкции:

- *Повествовательные предложения.* Н. А. Ощепкова подчёркивает, что эти предложения, кроме простого аргументирования, могут выражать другие прагматические оценки: отказ, упрёк, недовольство и т. д. (Там же);
- *Вопросительные предложения.* Они могут быть использованы как средство побудительности;
- *Разные типы вопросов* могут выражать утверждение: риторические, рефлексивные и фразеологические структуры.

Учёные голландской школы не предлагают собственной классификации лексических и синтаксических средств аргументирующей речи. Несмотря на это, они описывают способы выражения точки зрения и сомнения.

Исследователи отмечают, что обычно точка зрения говорящего ясна, легко извлекается из контекста, и поэтому нет необходимости выражать её специальными средствами. Конструкции, которые помогают понять, о какой точке зрения идёт речь, могут быть следующими:

По-моему, ...; Я думаю, что ...; Если хочешь знать моё мнение, то...; Мой вывод заключается в том, что...; Вот почему ...; Итак, ...; Следовательно, ...; Короче говоря, ...; Вот как я это понимаю; Дело в том, что...; Прав ли я?; В чём я должен согласиться, так это в том, что ...; В таком случае...; (кто-либо) ошибочно утверждает, что...; Бессмысленно говорить о том, что...; Принимая всё во внимание ... и т.д.

То же самое касается выражения сомнения. Оно часто остается имплицитно выраженным, так что не всегда можно их сразу выявить.

Тем не менее имеются некоторые показатели:

Я не совсем уверен...; Разве не может быть такого, что...; Я всё ещё не могу до конца понять...; Да, это немного трудно понять, но, вероятно, ...; Мне придется подумать над тем, верю ли я... и т.д.

Итальянский исследователь V. Lo Cascio в монографии «Grammatica dell'argomentare» (1991) отмечает, что отсутствуют работы, посвящённые лингвистическому анализу языковых средств аргументации.

V. Lo Cascio не предложил свою теорию аргументации, но предпринял попытку разработать классификацию языковых средств аргументации в итальянском языке. Он назвал эту классификацию «грамматика аргументации»²⁸.

Представляется, что необходимо исследовать монологическую аргументирующую речь, чтобы узнать, какие языковые средства используются для выражения аргументации в монологе.

²⁸ Хотя работа V. Lo Cascio чрезвычайно интересная, мы не будем останавливаться на ней, поскольку она касается только итальянского языка и не имеет отношения к используемой нами прагма-диалектической теории аргументации.

1.5. Монолог: определение и характеристики.

Ситуации, в которых происходит общение, различны: люди общаются в магазинах, в университете, на работе, на вокзале, в магазине и т.д. Следовательно, общение может реализовываться в устной речи (беседы с друзьями, консультация с преподавателем и т.п.) или письменной речи (бытовое письмо, чтение документа и т.п.).

Кроме того, условия общения влияют на реализацию языковых средств в разных формах речи.

Лингвисты уже давно занимаются исследованием монологической речи и её особенностей в разных контекстах ее функционирования.

Рассмотрим более подробно существующие определения монолога.

Обратимся к определениям монологической речи, предложенным Л. В. Щербой и В. В. Виноградовым.

Л. В. Щерба рассматривает монолог как «организованную систему облеченных в словесную форму мыслей, отнюдь не являющуюся репликой, а преднамеренным воздействием на окружающих» (Щерба 1957, с. 115).

В. В. Виноградов даёт более развёрнутое описание монологической речи: «Монолог – это особая форма стилистического построения речи, тяготеющая к выходу за пределы социально-нивелированных форм семантики. Там, где виды культурно-общественного речевого общения утончены и сложны, – монологическая речь особенно часто является теми воротами, через которые входят в язык вызванные потребностью экспрессивного воздействия новые слова – слова иных языков, диалектов и жаргонов, новые выражения и речевые построения» (Виноградов 1963, с. 19).

Что касается типов монологов, то исследователь выделяет: *монолог убеждающей окраски; монолог лирический; монолог драматический и монолог сообщающего типа.*

О.С. Ахманова трактует монолог следующим образом: «В отличие от диалога оформление речи как обращенной прежде всего к самому себе, не рассчитанной на словесную реакцию собеседника. Монолог характеризуется

более сложным синтаксическим построением и стремлением охватить более обширное тематическое содержание по сравнению с тем, которое характеризует обмен репликами в диалоге» (Ахманова 1969, с. 239).

На наш взгляд, нет достаточных оснований полностью согласиться с определением, предложенным О.С. Ахмановой. Монолог так или иначе рассчитан на собеседника и предполагает определенную реакцию со стороны слушающего. Только как внутренняя речь монолог может быть обращен к самому себе. Тем не менее до сих пор нет единой точки зрения на адресованность монолога.

О.С. Ахманова разграничивает пять типов монолога: *монолог внутренний* (несобственно-прямая речь, пережитая речь); *монолог внушающий* (или агитационный); *монолог драматический*; *монолог повествовательный* (или сообщающий) и *монолог лирический*.

Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин понимают под монологической речью форму речи, обращенную «к одному или группе слушателей (собеседников), иногда – к самому себе. <...> М. р. используется с различными коммуникативными целями: для сообщения информации, для воздействия на слушателей путем убеждения, для побуждения к действию или его предотвращения» (Азимов, Щукин 2009, с. 147).

Типы монолога классифицируются по разным критериям: по содержанию речи (*описание, сообщение, рассказ*), по степени самостоятельности (*воспроизведение заученного, пересказ и самостоятельное высказывание*) и по степени подготовленности (*подготовленная, частично подготовленная и неподготовленная речь*).

Т.В. Жеребило полагает, что монолог – это «речь одного лица, образующая единое высказывание. <...> В М. р. активным является говорящий или пишущий. Адресат может не принимать непосредственного участия в речевом акте: он может быть отдален в пространстве и времени. Его реакция на речь говорящего не предусмотрена этой формой речи. В М. р.

говорящий является распорядителем языковых средств, их выбором, соединением» (Жеребило 2011, с. 204).

С одной стороны, справедливо утверждение, что адресат не должен всегда присутствовать монологическом тексте, но с другой стороны, его реакция всегда должна учитываться говорящим.

Т.В. Жеребило разграничивает следующие типы монолога: описание, повествование и рассуждение.

Особенности монологической речи.

В статье «Диалог и монолог как формы речи: сравнительная характеристика» Н.В. Изотова предлагает разделять признаки монолога на лингвистические и экстралингвистические (Изотова 2012).

По мнению автора, к лингвистическим признакам относятся следующие:

- *Длительность, связность и построенность речевого ряда* (Якубинский 1986, с. 24). Исследователи подчёркивают, что этот признак носит относительный характер, поскольку он непосредственно зависит от того, в какой форме реализуется монолог (устной или письменной);
- *Полнота тематического содержания*. Обычно монолог охватывает широкое тематическое содержание, хотя, например, Р.Р. Гельгардт указывает на неабсолютность данного признака (Гельгардт 1979, с. 144);
- *Смысловая завершенность монолога*. Этот признак может быть выделен на основании того, что «монолог – это композиция закрытая» (Там же. С. 145);
- *Синтаксическая сложность*. Для монолога характерны сложные, полные и семантически законченные предложения;
- *Текстовая организация монолога*.

Экстралингвистическими признаками являются:

- *Преднамеренность*. Лингвисты, философы и психологи полагают, что монолог в той или иной степени является организованным видом речи;
- *Специфическая направленность монолога*. Как уже было сказано ранее, нет единой точки зрения относительно адресованности монолога. Некоторые лингвисты не ставят под сомнение тот факт, что монолог прежде всего рассчитан на собеседника, а другие считают, что он так или иначе обращен к самому говорящему;
- *Односторонний характер высказывания* (Якубинский 1986, с. 25). В монологе активно участвует только говорящий или пишущий, а слушающий/читатель пассивно принимает участие в монологе (он может физически не присутствовать);
- *Искусственная форма речи*. Лингвисты высказывают мнение, что поскольку человеческая речь диалогична, монологическая речь является искусственной. Монолог – это более сложная форма речи, которая исторически развивалась позже диалога.

Н.В. Изотова подчеркивает, что данные признаки не абсолютные, так как ситуации, в которых возможен монолог, самые разные, и весьма затруднительно провести между ними четкую границу (Изотова 2012).

Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин называют следующие особенности монологической речи:

- *развёрнутость* (под развёрнутостью имеется в виду то, что монолог охватывает широкое тематическое содержание);
- *наличие распространённых конструкций и их грамматическая оформленность*;
- *непрерывность*, т.е. «высказывание не ограничивается одной фразой» (Азимов, Щукин 2009);
- *последовательность*;
- *логичность речи*;
- *относительная смысловая законченность*;

- коммуникативная направленность высказывания.

Т. А. Ладыженская включает в список признаков монолога следующие особенности:

- высказывание более развёрнуто;
- больше ощущается момент сознательного выбора выражений;²⁹
- меньшую роль играют жесты и мимика;
- реакция слушателей угадывается (Ладыженская).

Вышесказанное свидетельствует о том, что лингвисты по-разному классифицируют типы монологов и используют разные термины. Однако во всех без исключения классификациях присутствует тип монолога, который направлен на убеждение и воздействие на адресата, т.е. аргументирующая речь.

Интерес к изучению монологического текста привёл и к исследованию спонтанного монолога. На сегодняшний день эта проблема в большей степени изучается лингвистами. Большой вклад в разработку теории спонтанного монолога внесли работы учёных филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Н. В. Богданова, И. С. Бродт, В. В. Куканова, О. В. Павлова, Е. М. Сапунова, Н. С. Филиппова), которые с целью исследования монологической спонтанной речи создали корпус аутентичных текстов, представляющий собой один из блоков Звукового корпуса русского языка (ЗКРЯ). Однако данный корпус не включает в себя тексты аргументирующего типа.

²⁹ На этот факт обратил внимание и В.В. Виноградов. Он считал, что «нормы стилистической оценки, момент сознательного выбора выражений и форм их связи, взвешивание семантических нюансов слов и их эмоциональной окраски – резче должны заявлять о себе в монологе» (Виноградов 1963, с. 19).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

В первой главе данной работы представлен анализ теоретических источников, посвященных проблеме аргументации.

Рассматриваются основные подходы к изучению аргументации, начиная со второй половины XX века. В частности, обращено внимание на аргументацию с позиции философии, логики, неформальной логики и прагма-диалектики.

Этот общий взгляд на проблему позволяет доказать важность исследования аргументации в монологическом тексте и выявить потенциал развития этой области знания именно в лингвистике, где до сих пор аргументация и её языковые средства нуждаются в изучении.

В работе обосновывается выбор прагма-диалектического подхода к исследованию специфики спонтанных монологов, поскольку он в наибольшей степени обеспечивает комплексный анализ языковых средств аргументации в спонтанной монологической речи.

Основная идея голландских учёных заключается в том, что аргументация изучается с позиции теории речевых актов. Они разработали концепцию, согласно которой аргументативный дискурс рассматривается как особый вид речевого действия, а аргументация – как иллокутивный акт. Перлокуцией аргументации является убеждение собеседника.

Особое внимание было уделено анализу компонентов аргументации (точки зрения, типы спора, структуры) и идеальной модели критической дискуссии, которая на наш взгляд, также применима для изучения монологической речи.

В главе описаны лексические и синтаксические средства аргументации. Анализ и их классификация представляются важными, поскольку позволяют понять структуру аргументации, и осознать, насколько говорящий достиг своей коммуникативной цели, т.е. убеждения собеседника.

Кроме того, предпринята попытка выяснить значение и употребление термина "аргументирующая речь" и описать основные особенности монологической речи.

На основе этого во второй главе будет представлен контекстный функционально-коммуникативный анализ конкретных лингвистических средств аргументации в спонтанном монологе на русском языке, а также предложена их классификация.

ГЛАВА II. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДСТВ АРГУМЕНТИРУЮЩЕЙ РЕЧИ В СПОНТАННОМ МОНОЛОГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕПРОГРАММЫ «СИЛА СЛОВА»)

2.1. Специфические черты спонтанных аргументирующих монологов на заданную тему.

Прежде чем мы обратимся к анализу материала исследования и предложим классификацию монологов с позиций аргументирующих стратегий, рассмотрим особенности отобранных нами текстов.

Во-первых, требует пояснения контекст порождения монологов, поскольку он влияет на их построение и языковое оформление. Как мы уже отметили во введении, «Сила слова» – интеллектуальная игра по русскому языку для старшеклассников (10-11 классы), цель которой популяризация русского языка. В данной работе использован материал игр первого сезона (2015/2016 гг.), который состоит из 39 выпусков. Каждый выпуск включает в себя несколько туров. Баллы за выполнение заданий ставят члены жюри, которые являются авторитетными специалистами по русскому языку. Задание для третьего, последнего, тура – составить монолог на заданную тему.

Несмотря на то, что многие школьники имеют опыт участия в олимпиадах, конкурсах или викторинах, в телеигре «Сила слова» они находятся в совершенно новой для них ситуации: выступление перед жюри, камерами и большой аудиторией. Безусловно, это не может не влиять на результаты испытаний, в том числе, и на выступление с монологом.

Во-вторых, участникам даётся только 1 минута для подготовки монолога, который должен длиться не больше минуты. Следовательно, ограничение по времени не позволяет представить идеальный устный текст.

Наконец, все монологи строятся в соответствии с заданной темой. В зависимости от предлагаемых тем можно разделить монологи на следующие группы:

- монологи на открытую тему (6);

- монологи на основе пословиц (18);
- монологи на основе эпиграфов (3);
- монологи на основе цитат (12).

Специфика этих монологов заключается именно в том, что тема уже сформулирована и участники должны только выразить свою точку зрения и аргументировать ее.

Такая установка влияет на аргументацию и выбор композиционных, синтаксических и лексических средств для построения монолога.

Для того чтобы произвести анализ материала нашего исследования, необходимо сопоставить значение двух терминов: и "мотивированность".

До сих пор нет единой точки зрения на понимание термина "спонтанность". Для одних исследователей спонтанность обусловлена внутренними причинами говорящего, поэтому спонтанный и неспонтанный монологи могут быть подготовленными или неподготовленными (Земская 1998, с. 7).

В нашей работе под спонтанным монологом мы подразумеваем неподготовленную речь.

Степень спонтанности неподготовленной речи предопределяется рядом факторов: лингвистической мотивированностью; степенью знакомства говорящего с темой монолога; уровнем речевой компетенции и психологическим типом личности (Богданова и др. 2008, с. 58).

Понятие "лингвистическая мотивированность" оказывается важным для анализа выбранных нами монологических текстов. Лингвистическая мотивированность – это обусловленность вторичного текста (т.е. монолог) первичному тексту³⁰ (Там же).

Важно заметить, что «Лингвистическая мотивированность и спонтанность речевого произведения <...> находятся в отношениях обратно

³⁰ В нашем случае заданная тема.

пропорциональной зависимости: увеличение степени мотивированности ведет к снижению спонтанности, и наоборот.» (Там же).

Следовательно, можно сказать, что выбранные нами монологи имеют разную степень спонтанности: монологи на открытую тему имеют более высокую степень спонтанности, чем монологи на основе цитат, пословиц или эпиграфов.

2.2. Композиционные средства аргументирующей речи в спонтанном монологе.

Как было сказано ранее, спонтанная речь обладает определенными отличительными особенностями: частое несовпадение синтаксических и интонационных границ, неструктурированность, неупорядоченность, речевой сбой, нарушение смыслового единства и последовательность в изложении мыслей (Вольская, Степанова 2005; Степихов 2005).

Это означает, что по сравнению с другими видами устной речи, спонтанная речь, в том числе и спонтанный монолог, имеет не очень четкую структуру (Макаров 2003, с. 175). В большей степени это отражается в синтаксическом оформлении и композиции текстов.

В спонтанных монологах очень часто границы между введением, основной частью и заключением, т.е. теми частями, которые традиционно выделяются в каждом тексте, размытые и субъективные. Н. С. Филиппова утверждает, что «в спонтанной речи место в тексте, где заканчивается «начало» и начинается «конец», не всегда может быть определено однозначно» (Филиппова 2008, с. 211). Следовательно, при анализе композиции спонтанных монологов исследователям приходится обращать внимание на абсолютное начало и абсолютный конец текста (Филиппова, Филиппов 2010, с. 211).

Учитывая вышесказанное, мы предприняли попытку классифицировать спонтанные монологи участников игры «Сила слова».

Критерием для классификации монологов является их начало, т.е. как говорящий вступает в речь. Мы выделили семь моделей:

1. *Точное повторение заданной темы;*
2. *Тезис;*
3. *Изложение общего содержания заданной пословицы или цитаты;*
4. *Определение;*
5. *Антитеза;*
6. *Рефлексия;*
7. *Связь с предыдущим выступлением.*

Остановимся подробно на каждой из них.

1. *Точное повторение заданной темы.*

Из всех моделей, первая – самая частотная: она реализована в 16 монологах из 39. В частности, можно её найти в следующих выступлениях: *Монолог 1, Монолог 5, Монолог 10, Монолог 11, Монолог 12, Монолог 14, Монолог 15, Монолог 16, Монолог 17, Монолог 19, Монолог 25, Монолог 26, Монолог 27, Монолог 34, Монолог 35 и Монолог 36.*³¹

Как следует из названия модели, говорящие оформляют монолог, точно повторяя предлагаемую им тему.

Приведём несколько примеров.

Тема *монолога 1* – «Пользу или вред приносит цензура?». Автор начинает его таким образом: *Так, хорошо. Пользу или вред приносит цензура? Цензура — это всегда палка о двух концах*³².

Тема монолога 19 – «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь». Начало монолога: *Не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Давайте предположим откуда могла появиться такая поговорка в нашей речи.*

³¹ Монологи пронумерованы по хронологическому принципу (например, монолог 1 – это первый монолог сезона, а монолог 39 – последний). В этом же порядке даны монологи в Приложении.

³² Все тексты монологов приведены в оригинале. Имеющиеся ошибки мы не исправляли.

Ещё одним примером может служить *монолог 36*, тема которого задана эпиграфом «Судимы будем каждый сообразно с делами своими»³³. Говорящий начинает монолог: *Судимы будем каждый сообразно с делами своими. Это религиозное высказывание.*

Хотя у всех монологов одна и та же композиция, между ними обнаруживаются некоторые различия. Можно разделить монологи на три группы.

В первую группу входят *Монолог 10, Монолог 11, Монолог 14, Монолог 15, Монолог 16, Монолог 19, Монолог 35 и Монолог 36*, которые начинаются с повторения темы.

В качестве иллюстрации приведем *монолог 10*, тема которого – «Телегу готовь зимой, а сани – летом». Он начинается следующим образом: *Телегу готовь зимой, а сани – летом. В этой пословице реализуется такая стилистическая фигура, как параллелизм, и реализуется, во-первых, на уровне формы и, во-вторых, на уровне смысла.*

Во вторую группу входят те монологи, в которых перед повторением темы используются вводные слова и вставные конструкции. Затем автор переходит непосредственно к теме, которую должен раскрыть. К этой группе относятся монологи: *Монолог 1, Монолог 12, Монолог 17, Монолог 25, Монолог 26, Монолог 27 и Монолог 34.*

Монолог 12 (тема – пословица «Не зная броду, не суйся в воду») имеет следующее начало: *Итак, не зная броду, не суйся в воду. Как любая другая пословица, эта скрывает в себе старинную народную мудрость.*

Монолог 17, тема которого – «Москва слезам не верит», начинается так: *Мне досталась фраза «Москва слезам не верит». На мой взгляд, я не*

³³ Эпиграф к роману М. А. Булгакова «Белая гвардия» – измененная цитата из Откровения апостола Иоанна Богослова, гл. 20, стих. 12: «Каждый из вас... должен предстать пред судилищем Святого Израилева; и когда... будут они судимы по святому суду... которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими».

понимаю, ну я не понимаю эту фразу буквально, и проблема, высвеченная многими авторами, коснулась этого высказывания.

Ещё один пример – это монолог 27, построенный на основе пословицы «Уговор дороже денег». Начало монолога: *Пословица «Уговор дороже денег». Чаще всего она употребляется при случаях, когда человек не выполняет обещанного или наоборот, когда два человека заключают, например, пари.*

В третью группу можно включить монолог 5, в котором говорящий не только повторяет тему, но и расширяет её. Тема этого монолога – цитата «Умом Россию не понять». Монолог начинается так: *Умом Россию не понять, аришином общим не измерить: у ней особенная стать – в Россию нужно³⁴ только верить». Мысль этого стихотворения состоит в том, что Россия – это страна не такая, как другие страны Европы.*

На наш взгляд, имеются две причины, которые влияют на использование повторения темы в начале выступления. Первая заключается в том, что тема дается участникам в определённой форме, от которой говорящие не могут отойти.³⁵ Второй причиной может быть незнание других композиционных средств или невладение приемами риторики. Поэтому участникам проще начать с повторения того, что уже было сформулировано в теме. По нашему мнению, именно вторая причина определяет построение монолога таким образом.

Было обнаружено, что данная модель используется в большинстве монологов на основе пословиц и во всех монологах на основе эпитафий. Поскольку мы считаем эти группы самыми сложными с точки зрения возможностей использования средств аргументации (содержание пословиц и эпитафий может быть непонятно участникам), то можно предположить, что

³⁴ Автор монолога допустил ошибку: в тексте стихотворения Ф. И. Тютчева использовано слово «можно». Полагаем, что эта ошибка могла повлиять на формулирование собственной точки зрения.

³⁵ Соответствие теме – один из параметров оценивания монолога.

точное повторение темы – наиболее простое средство для того, чтобы начать монолог.

Кроме того, частотность повторения обусловлена психологическими причинами: для говорящего это дополнительное время для обдумывания стратегии развертывания монолога.

2. Тезис.

Данная модель – вторая по частотности. По этой модели построены 6 монологов из 39: *Монолог 3, Монолог 6, Монолог 18, Монолог 20, Монолог 22 и Монолог 39.*

Особенность модели заключается в том, что начало монолога совпадает с тезисом говорящего, т.е. говорящий приступает к монологу, сразу выдвигая тезис.

Обратимся к примерам.

Тема *монолога 39* – «Мой Петербург». Говорящий начинает его следующим образом: *Несомненно, Санкт-Петербург – это один из величайших городов нашей Родины, и величие его проявляется в самых разнообразных и обширных сферах нашей жизни, будь то вклад в культуру России, ее историю и науку.*

В *монологе 6* тема дана в виде цитаты: «Вся наша жизнь игра» и начало монолога представлено в таком виде: *У Вильяма Шекспира... автор этой цитаты подразумевал, что игра — это игра в театре, т.е. люди в течение своей жизни надевают разные маски и предстают в разных ролях.*

Тема *монолога 18* – это прецедентный текст «Краткость – сестра таланта» (А. Чехов). Говорящий начинает следующим образом: *Смысл данного выражения заключается в том, что любая изрекаемая мысль должна быть ёмкой и ясной.*

Эту группу монологов можно разделить на две небольшие подгруппы.

В первую подгруппу входят *монолог 3* и *монолог 39*, в которых говорящие непосредственно излагают свою точку зрения.

Примером может служить *монолог 3*, тема которого – «Пользу или вред приносит цензура?». Начало монолога: *Да. Всё зависит на самом деле от того, что мы понимаем под цензурой.*

Во вторую подгруппу входят *Монолог 6, Монолог 18, Монолог 20 и Монолог 22*, которые начинаются с тезиса: *Смысл данного выражения...* и т.д.

Приведём примеры для пояснения наших наблюдений.

Монолог 20, тема которого – поговорка «Где тонко, там и рвётся», начинается следующим образом: ***В кратком виде поговорка излагает то, на что может понадобиться целый текст, когда мы говорим без поговорок. Даже если определённый уровень владения языком, когда мы уже можем говорить устойчивыми выражениями, идиомами и так далее.***

Тема монолога 22 – «Обжёгшись на молоке, дуешь и на воду»; начало монолога – ***Эта поговорка употребляется, когда какой-то человек после неприятностей, связанных с чем-то одним, боится другого.***

Как отмечает А.К. Михальская, согласно правилам риторики, тезис должен находиться после введения, в основной части текста (Михальская 1996, с. 284).

Мы считаем, что, если текст начинается с тезиса, то это может быть обусловлено разными причинами.

Первая причина заключается в том, что говорящий не знает о существовании других композиционных средств для введения в тему монолога.

Вторая причина – именно ситуация общения повлияла на выбор такого композиционного приема. Говорящий, боясь ошибиться или неточно и неясно изложить свои мысли, предпочитает сразу сформулировать тезис.

3. Изложение общего содержания заданной цитаты.

Данная модель – третья по частотности употребления. Она включает в себя следующие монологи: *Монолог 7, Монолог 31, Монолог 32 и Монолог 33.*

В этой модели, как подсказывает название, говорящий вступая в речь, раскрывает общее содержание предложенного высказывания.

Приведем примеры.

Тема монолога 7 – «Зачем вы, девушки, красивых любите?»³⁶, и начало монолога: **Тема песни – это любовь, вечная тема.** Рассуждая, например, по поводу того, что же такое любовь.

Тема монологов 31, 32 и 33 – одна и та же для 3-х финалистов: «Добродетели суть или частные, или общественные. Побуждения к первым суть всегда мягкосердие, кротость, соболезнование, и корень всегда их благ».

Начальные высказывания данных монологов почти совпадают:

- **Монолог 31: И значит, здесь говорится про личные, частные добродетели и общественные.** В частности, и в основном говорится, разумеется, про личные добродетели;
- **Монолог 32: В цитате Радищева речь идёт о добродетели.** Что же такое «добродетель»? В этом случае за изложением общего содержания следует риторический вопрос;
- **Монолог 33: Радищев говорит о том, что добродетель бывает частной и общественной.** Он говорит, что корень частной добродетели всегда благо, то есть это всегда какое-то доброе намерение.

Сходство тактик авторов монологов можно объяснить тем, что эти монологи произносятся один за другим, поэтому, возможно, каждый последующий говорящий находится под влиянием предыдущего.

Необходимо отметить, что эта модель используется только в монологах на основе цитат.

4. Определение.

Четвёртая по частотности модель – это «Определение», которая реализована в двух монологах: *Монологе 2* и *Монологе 28*.

И тот, и другой монолог начинается с определения ключевого слова заданной темы или цитаты.

³⁶ Цитата из песни советского периода «Ромашки спрятались» (автор текста – И. Шаферан).

Обратимся к примерам.

Монолог 2 связан с альтернативным вопросом: «Пользу или вред приносит цензура?» и начинается таким образом: *Цензура — это проверка какого-то произведения перед его публикацией и, в общем, выходом в свет. Что же это такое? Какой она может быть?* Ключевое слово предложенной темы – «цензура», поэтому автор монолога дает его толкование. После определения следуют риторические вопросы.

Тема *монолога 28* – это «Удаль – это паника, бегущая вперед. Удаль рубит налево и направо»³⁷. Говорящий приступает к монологу так: *Возможно, удаль – это что-то вроде того, что помогает человеку действовать в экстремальной ситуации. Почему-то мне сразу пришло на ум два понятия: <...>.* В этом случае информационный каркас текста создает слово «удаль», и говорящий предлагает свою трактовку этого понятия.

Важно подчеркнуть, что собственно толкование частично входит в тезис.

Каждая из следующих моделей представлена одним монологом.

5. *Антитеза.*

По этой модели построен *Монолог 37*, тема которого – это «Мой Петербург». Говорящий противопоставляет свое восприятие Санкт-Петербурга отношению других людей к этому городу: *Для многих, не только для писателей и поэтов, но вообще для всех людей, Петербург очень долго казался городом чужим. <...> И мне кажется, поскольку Петербург – это мой родной город, что это же как раз есть чудо, что на болоте.*

По нашему мнению, причина нечастотности такой модели заключается в том, что не все темы предполагают возможность сравнения, в ряде случаев говорящий (особенно школьник) боится или стесняется выразить своё мнение, если оно не совпадает с общепринятой точкой зрения.

6. *Рефлексия.*

³⁷ Автор цитаты – российский писатель Фазиль Искандер.

Тема монолога *Монолог 38* – «Мой Петербург». Первое высказывание непосредственно связано с предыдущим выступлением: *Я тоже родилась в Петербурге, это мой родной город*. Мы назвали эту модель «рефлексия», потому что говорящий начинает монолог с факта своей биографии. Здесь наблюдается выраженность авторского Я, личного отношения к предмету речи – Петербургу. Имеется две причины для выбора такого начала: во-первых, это повышает интерес слушателей к теме (Там же. С. 282), во-вторых, всегда проще говорить о себе, чем приводить цитаты или факты из жизни других людей.

Несмотря на факторы, помогающие построить спонтанный монолог, данная модель не часто использовалась участниками телепрограммы. Возможно, это обусловлено типом монолога (монологом на открытую тему) или зависит от индивидуального опыта публичных выступлений.

7. Связь с предыдущим выступлением.

Эта модель обнаружена в *Монологе 30*, тема которого «Интеллигентность – это способность к пониманию, к восприятию, это терпимое отношение к миру и к людям»³⁸.

Говорящий солидаризируется с предыдущим оратором, подготавливая слушателей к тому, что его позиция будет излагаться в том же ключе: *Спасибо, я думаю, я могу взять эстафетную палочку от Вани и начать*.

Что касается частотности моделей монологов на заданную тему³⁹, можно заметить, что среди монологов на основе пословиц и эпитафий самая частотная модель – это *"Точное повторение заданной темы"*. На наш взгляд, это обусловлено либо жесткой формулировкой темы, за рамки которой говорящий не должен выйти, либо тем, что использование этой модели не предполагает особых интеллектуальных усилий со стороны говорящего.

В остальных группах используются все модели.

³⁸ Цитата Д. Лихачева.

³⁹ См. параграф 2.1.

Теперь обсудим результаты анализа других композиционных средств, используемых в спонтанных монологах.

Как отмечалось выше, при исследовании структуры монологической речи исследователи обращают внимание на абсолютное начало и абсолютный конец текста.

Остановимся подробно на абсолютном конце текста и приведём некоторые примеры.

Мы заметили, что в монологах 13, 17, 18, 19, 27, 35 и 39 отсутствует заключение. Это может быть связано с двумя факторами:

1) обязательное условие выполнения задания III тура: длительность монолога – не более одной минуты;

2) отсутствие у школьников умений кратко и лаконично излагать свои мысли, поэтому участники не успевают закончить монолог в течение отведенного времени.

В большинстве монологов имеется заключение и содержится вывод, сформулированный говорящим. Заключение присутствует в следующих монологах: 4, 7, 10, 11, 12, 14, 15, 22, 24, 25, 28, 31, 32, 33, 34 и 38.

Выводы могут выполнять разные функции или несут разный характер.

В Монологе 1 вывод формулируется как гипотетическое условие: *Поэтому, если бы цензура, ну, проводилась не только чиновниками, но и писателями, и писатели помогали бы другим, кто проходит цензуру, избегать таких моментов, которые могут не понравиться чиновникам, это было бы оптимальным вариантом.* Такой вывод логичен для данного монолога, поскольку говорящий в ходе рассуждений сравнивает положительные и отрицательные стороны цензуры. В выводе автор предлагает свое решение проблемы.

Монолог 30 заканчивается обращением к аудитории: *Хотел бы предложить вам также разобраться, что оно значит. Попробуйте его перевести. Может быть, это будет вам проще. Спасибо за внимание. Будьте*

интеллигентами. Монолог имеет кольцевую композицию: вывод соотносится с началом монолога, когда говорящий тоже обращается к слушателям.

А. К. Михальская считает, что и для убеждающей, и для агитирующей речи характерен призыв к аудитории именно в заключительной части (Михальская 1996, с. 289). В связи с этим можно утверждать, что автор монолога 30 знаком с риторическими приемами и умело использует их в речи.

Особый случай представляет *Монолог 21*, в котором тезис формулируется в заключении монолога: *Значение данной поговорки следующее, что тот, кто что-то очень сильно любит, если будет это получать, то уже не остановится*.

Известно, что в соответствии с правилами риторики тезис должен находиться в основной части речи после введения (Там же. С. 284).

Расположение тезиса в заключении определяется тактикой говорящего: не поняв смысла предложенной пословицы, он не смог логически выстроить текст и предпринял попытку уложиться в отведенное время.

В *Монологе 2*, *Монологе 5*, *Монологе 20* и *Монологе 26* вывод совпадает с тезисом, т.е. говорящий повторяет тезис, который уже сформулировал в ходе рассуждений. Приведем один пример.

В *Монологе 2* тезис выражен в основной части следующим образом: *Поэтому я думаю, цензура должна быть всегда в разумных пределах*. Вывод почти совпадает с тезисом: *Поэтому цензура все-таки должна быть, но в разумных пределах*.

Такое построение свидетельствует о грубом нарушении важнейшего правила риторики: в заключении выступления должен быть вывод, который отличается от тезиса (Там же. С. 289).

Частичное совпадение вывода с тезисом отмечено в *Монологе 3*. В аргументирующей части говорящий поддерживает тезис о том, что цензура в узком смысле – это хорошо, а в широком смысле – плохо. Но в выводе повторяется только вторая часть тезиса: *Поэтому в этом смысле цензуру я считаю это плохо*.

В Монологе 6 вывод, не отличающийся от тезиса, расширяется. Ср.: тезис – *У Вильяма Шекспира... автор этой цитаты подразумевал, что игра – это игра в театре, т.е. люди в течение своей жизни надевают разные маски и предстают в разных ролях*; вывод – *Пожалуй, цитату можно понимать и так: игра в театре или игра в соревновании.*

В Монологе 36 содержится другой тип вывода. Повторяется тезис (в данном случае тезис – мы получаем то, чего заслуживаем), и обобщается значение приведённых высказываний: *Но всё же они говорят фактически об одном: возможно, далеко не всё справедливо, но, если мы хотим жить в здоровом счастливом обществе, нам нужно помнить, что каждый из нас будет судим сообразно с нашими делами.*

В заключении Монолога 37 говорящий приводит цитату из песни известного российского рок-певца: *И закончить я хочу, что Петербург – это... и закончить я хочу тем, что Петербург – это мой родной город, и я могу сказать, что в моей груди «стучит копытом сердце Петербурга», как сказал Александр Башиачёв.*

Особенно интересным представляется заключительная часть Монолога 16, в котором вывод совпадает с выражением собственной точки зрения по поводу смысла поговорки. Говорящий не ограничивается аргументацией, а выражает своё несогласие с поговоркой: *Поэтому я, скорее, с этим, с этой пословицей не согласна, хотя исключения тоже бывают.*

Заключение Монолога 23 содержит повтор и расширение начала монолога. Ср.: начальное высказывание: *На мой взгляд, мы очень часто слышим это выражение, но ещё чаще мы сталкиваемся с проблемой, которая скрыта в этой поговорке.* – конец монолога: *Довольно часто это выражение мы встречаем в наши дни, поскольку эта проблема очень актуальна для школьников, для студентов и для каждого человека, кто намечает себе какие-то цели и желает их достигнуть.*

Анализируя монологи участников игры «Сила слова», мы обнаружили следующее.

Монологи на открытую тему 1, 2 и 3 очень близки по структуре. Дело в том, что все они включают сопоставление (см. табл. 1).

Таблица 1.

Сопоставление позиций в монологах 1, 2, 3.

Монологи	Сопоставление позиций	
1	цензура – это хорошо	цензура – это плохо
2	положительные стороны цензуры	отрицательные стороны цензуры
3	цензура в узком смысле (это хорошо)	цензура в широком смысле (это плохо)

Сходство структуры и наличие сопоставления во всех трёх монологах могут быть обусловлены формулировкой темы как проблемного вопроса (антитезы): *Пользу или вред приносит цензура?* На наш взгляд, такая формулировка темы значительно облегчает задачу говорящих.

С другой стороны, если сравнить данные выступления с монологами 37, 38 и 39, в которых также дана открытая тема, можно заметить, что структурирование монолога представляет определенные трудности для говорящего, потому что тема слишком широкая («Мой Петербург»).

В *Монологе 10* и *монологе 14* композиционные части расположены в одинаковом порядке: начало (точное повторение темы); основная часть (тезис и примеры для аргументации); вывод.

Монолог 14 и *монолог 15* имеют похожую вступительную часть: после точного повторения темы следуют высказывания, которые начинаются словами: *Эта пословица...* и *Данная пословица...*

В *монологах 13, 17* и *18* отсутствует заключение, и говорящие заканчивают выступление приведением примеров.

Так, тема *Монолога 17* – пословица «Москва слезам не верит»⁴⁰. Говорящий заканчивает монолог следующим образом: *Например, также это влияет на гражданское общество, и возникает проблема гражданского общества против общин иммигрантов в России, так, например, армянские общины часто вызывают недоумение у граждан нашей страны.*

Монолог 18 и *монолог 39*⁴¹ имеют общие характеристики использованных композиционных средств: начало принадлежит ко второй модели (Тезис), заключение отсутствует.

На наш взгляд, это может свидетельствовать о том, что говорящий либо предпочитает определённую модель аргументации, либо у него недостаточно средств аргументации.

В *Монологах 23* и *24* похожие выводы, в которых подчеркивается актуальность пословицы: *Довольно часто это выражение мы встречаем в наши дни, поскольку эта проблема очень актуальна (монолог 23); Я думаю, что это поговорка также очень актуальна в наше время, потому что это свойство характера человека всегда будет присутствовать (монолог 24).*

Очевидно, что второй говорящий просто повторяет тезис, представленный в предыдущем монологе.

В *Монологах 10, 19, 21, 26* и *35* наблюдается сходство в основной части. Говорящие не сразу формулируют тезис, а начинают монолог либо

- с описания художественно-выразительных средств (*монолог 10*): *В этой пословице используется такая стилистическая фигура как параллелизм и реализуется, во-первых, на уровне формы и, во-вторых, на уровне смысла;*
- с истории появления пословицы или комментария по поводу одного из ее компонентов (*монологи 19, 26* и *35*): *Я предполагаю, что такая поговорка пришла к нам из военных кругов или, возможно, из речи казаков, которые любили похвастаться друг*

⁴⁰ Значение 'Нет доверия чьим-л. жалобам и плачу'.

⁴¹ Оба монолога принадлежат одному автору.

перед другом, возможно, перед друг другом через какие-то серьёзные препятствия, ямы или наоборот что-то высокое;

- с её толкования (монолог 21): **«Временное ограничение», в которое нельзя употреблять жирные продукты, и, вероятно, стоит прийти к выводу, что в Древней Руси это масленица.**

Монологи 31, 32 и 33 имеют однотипную структуру, в которой композиционные средства следуют в одном и том же порядке: введение (третья модель); основная часть, в состав которой входит тезис, но отсутствуют примеры для поддержки тезиса; вывод.

На наш взгляд, сходство структур обусловлено тем, что говорящие выступают в одном туре и так или иначе подвержены влиянию друг друга.

При этом оказалось, что в монологах 34, 35 и 36, объединенных одной темой, разная структура и несовпадающие аргументирующие стратегии.

2.3. Синтаксические и лексические средства аргументирующей речи в спонтанном монологе.

В данном параграфе представлен анализ лексических и синтаксических средств пяти спонтанных монологов: *монолог 1, монолог 2, монолог 12, монолог 16 и монолог 30.*

Выбор монологов обусловлен их ярко выраженными языковыми особенностями.

Монолог 1 и монолог 2 похожи по структуре: оба говорящих сопоставляют позитивные и негативные стороны цензуры.

Важно было понять, какими синтаксическими и лексическими средствами могут отличаться, частично отличаться или совсем не отличаться монологи, содержание и структура которых совпадают, и выяснить, от чего зависит использование тех или иных средств.

Монолог 12 представляет особый интерес, поскольку это единственное из всех выступлений, в котором присутствуют контраргумент и опровержение контраргумента.

Наша задача заключалась в том, чтобы выяснить, используются ли определённые синтаксические и лексические средства для введения контраргумента и его опровержения.

В *монолог 16* говорящий не только приводит аргументы против предложенной пословицы, но и высказывает своё мнение относительно её содержания. Именно по этой причине мы считаем, что лексические и синтаксические средства данного монолога должны быть рассмотрены детально.

В отличие от других выступлений *монолог 30* представляет собой комбинацию различных композиционных средств. Кроме того, это выступление в большей степени соответствует правилам риторики.

Попытаемся проанализировать лексические и синтаксические средства, использованные говорящими в монологах.

Синтаксические средства аргументирующей речи в спонтанном монологе.

В *монолог 1* представлены следующие синтаксические средства:

- Вводное словосочетание *С одной стороны, ... с другой стороны, ...* используется с целью противопоставления аргументов, чтобы выбрать один из них. Поскольку тезис заключается в том, что говорящий видит в цензуре и положительные и отрицательные стороны, использование этого вводного словосочетания вполне обоснованно: сравниваются плюсы и минусы цензуры. Противительный союз *"но"* перед вводным словосочетанием *"с другой стороны"* усиливает противопоставление государственной системы контроля за содержанием произведений искусства;
- Вводное слово *"допустим"* выполняет функцию введения в предполагаемую ситуацию;
- Вводное слово *"конечно"* повторяется два раза. В обоих случаях оно используется с целью подтверждения выводов, относящихся и к первому и ко второму аргументам. Это вводное слово

демонстрирует уверенность говорящего в правильности рассуждений;

- Условная конструкция "*Если бы..., я бы...*" используется для формулирования вывода, в котором говорящий предлагает своё решение проблемы, связанной с цензурой.

Синтаксические средства, использованные в *монолог 2*, следующие:

- Вводное слово "*конечно*" вводит аргументативную часть. Говорящий считает, что его идея очевидна и должна быть принята всеми слушателями как не требующая доказательств;
- Вводное предложение "*Я думаю*" используется для введения тезиса говорящего, в котором выражено собственное мнение говорящего;
- Модальная конструкция "*(Не) должно/а быть*" использована при формулировании тезиса, отличающегося категоричностью.

Как было уже сказано выше, *монолог 1* и *монолог 2* представляют большой интерес для нашего исследования.

Монологи имеют общую открытую тему «Пользу или вред приносит цензура?» и похожую структуру: в обоих текстах сопоставляются плюсы и минусы цензуры.

Несмотря на наличие этих общих черт, анализ свидетельствует о том, что говорящие пользуются разными синтаксическими средствами.

В *монолог 1* говорящий, рассуждая о положительных и отрицательных сторонах цензуры, прибегает к вводным словосочетаниям "*с одной стороны/с другой стороны*", которые прямо указывают на сопоставление.

В *монолог 2* сравнение плюсов и минусов не выражено синтаксическими средствами. Говорящий аргументирует тезис с помощью вводного слова "*конечно*" и говорит о положительных сторонах аргументации. Несмотря на присутствие этого вводного слова, оно не указывает на сравнение между позитивным и негативным отношением к цензуре. Только

противительный союз "но" подсказывает слушателям, что цель следующего высказывания – это противопоставление предыдущему утверждению.

Мы считаем, что отсутствие в *монологе 2* синтаксических средств, которые указывают на сопоставление, может быть обусловлено разными факторами: отсутствием у говорящего адекватных синтаксических средств, неумением использовать их или его психологическим состоянием – непривычная для говорящего ситуация общения (публичное выступление).

По нашему мнению, легче воспринимается аргументация *монолога 1*. Дело в том, что говорящий направляет слушателей с помощью используемых им синтаксических средств и тем самым упрощает понимание его идеи.

В обоих выступлениях используется вводное слово "конечно", которое выполняет одну и ту же функцию – выразить уверенность в сказанном. Однако в *монологе 1* оно вводит выводы, относящиеся и к первому и ко второму аргументам, а в *монологе 2* – аргументацию тезиса говорящего.

Анализ монологов позволяет сделать вывод, что общая тема и однотипная структура выступлений не влияет на выбор синтаксических средств говорящими. С нашей точки зрения, на этот выбор оказывают влияние другие факторы: языковой опыт говорящего, владение синтаксическими средствами для аргументации и стрессовая ситуация публичного общения.

В *монологе 12* обнаружены следующие синтаксические средства:

- Вводное слово "конечно" используется для введения контраргумента. Говорящий указывает на очевидность другого пути решения проблемы, т.е. контраргумента;
- В первой части монолога говорящий использует местоимении первое лицо множественного числа (*Мы*), что является особенностью официального общения;
- Во второй части выступления говорящий переходит на синтаксическое построение со словом "можно". Эта конструкция используется при выражении контраргумента и вывода. Она позволяет сгладить категоричность и таким образом снять с себя

ответственность за сказанное. Поэтому функция данного синтаксического построения – обезличивание.

Думается, что переход от первого лица множественного числа (*мы*) к безличной модальной конструкции со словом "*можно*" объясняется тем, что в следующей части монолога говорящий либо не уверен в своей правоте, либо боится высказать своё мнение. Вероятно, в этом случае на выбор синтаксических средств в большей степени влияет психологический фактор.

Рассмотрим более подробно синтаксические средства для выражения контраргумента и его опровержения.

Как уже отмечалось, контраргумент начинается с вводного слова "*конечно*", а опровержение контраргумента – с противительного союза "*но*".

Это означает, что говорящий не использует специальные синтаксические средства для контраргумента и его опровержения. Об этом свидетельствует и тот факт, что те средства, которые мы выделили, используются в той же функции в других монологах.

В монологе 16 представлены следующие синтаксические средства:

- Вводное предложение "*Я считаю*" для формулирования тезиса;
- В ходе выступления говорящий постоянно использует местоимения первого лица ед. ч.: *я считаю; я с этой пословицей скорее не согласна; Поэтому я скорее с этим, с этой пословицей не согласна*. В монологе 16 присутствуют две точки зрения: первая относится к общепринятому толкованию пословицы, а вторая касается собственной позиции говорящего⁴². Другими словами, автор выступления не только пытается объяснить значение пословицы и аргументировать свою трактовку, но и выражает свое согласие/несогласие с данной пословицей. В обоих случаях говорящий использует первое лицо;

⁴² Мы называем вторую точку зрения «тезис 2».

- Вводное слово *"например"* вводит примеры, необходимые для объяснения тезиса, и повторяется дважды в одном предложении и четыре раза во всем монологе;
- Вводное слово *"возможно"* также повторяется два раза. В первом случае оно находится в одном предложении наряду со словом *"например"* и выражает неявную неуверенность в приведенном примере. А во втором случае слово *"Возможно"* используется для того, чтобы у слушателя сложилось впечатление, что говорящий не навязывает свой пример;
- Модальная конструкция со словом *"можно+инфинитив"* использована для приведения примера;
- С помощью вводного словосочетания *"может быть"* говорящий выражает неуверенность в правильности сформулированной гипотезы;
- Условная конструкция *"Если бы..., тогда бы..."* служит для формулирования гипотезы относительно тезиса 2.

Этот монолог интересен тем, что говорящий выражает две точки зрения: первая (тезис) касается объяснения смысла пословицы, а вторая (тезис 2) – это собственная точка зрения говорящего.

В ходе анализа этого монолога мы заметили, что говорящий вводит тезис с помощью вводного предложения *"Я считаю"*, а для тезиса 2 не использует никакого синтаксического средства (присутствуют только противительные союзы *"Но"* и *"Однако"*, которые вводят тезис 2 и указывают на то, что эта точка зрения противоречит первой).

На наш взгляд, отсутствие синтаксических средств для выражения тезиса 2 не влияет на понимание слушателями структуры монолога аргументативного типа. Противительные союзы *"Но"* и *"Однако"* достаточно ярко выражают несогласие говорящего с идеей пословицы. Кроме того, конструкция с использованием первого лица даёт возможность слушателям понять, что здесь выражена собственная точка зрения говорящего.

Рассмотрим результаты анализа *монолога 30*, в котором можно найти следующие синтаксические средства:

- Вводное предложение *"Я думаю"* в абсолютном начале монолога вводит тезис, аргументацию или примеры. При этом говорящий ссылается на предыдущее выступление.
- Словосочетание *"В первую очередь"* является началом аргументативной части монолога. Таким образом говорящий выстраивает высказывания в логической последовательности;
- С помощью вводного слова *"Действительно"* говорящий подтверждает правильность приведённого им аргумента;
- Вводное слово *"Например"* приводится в аргументе для поддержки тезиса;
- Условная конструкция *"Я бы..., ...бы"* используется при выведении гипотезы в качестве примера для защиты аргумента;
- Вводное слово *"Наверно"* повторяется три раза в последней части выступления. Во всех трёх случаях оно выполняет одну и ту же функцию: предположение при введении какой-либо информации. В первом случае это слово использовано как вывод к одному аргументу, второе вводит аргумент, а третье – заключение;
- В монологе говорящий использует местоимения первого лица ед. ч.: *Я думаю, в моей голове, возникла у меня, для меня тоже* и т.д. Одновременно говорящий часто обращается к слушателям: *Не знаю, как **вам**..., Хотел бы предложить **вам**, Это будет **вам** проще, **Будьте** интеллигентами*. Помимо этого, используется местоимение первого лица множественного числа в вопросе *Что мы видим?*. Автор монолога ищет различные способы заинтересовать слушателей, вырабатывает тактику общения и приемы эмоционального воздействия.

Как можно заметить, в этом монологе и композиционные, и синтаксические средства отличаются разнообразием. Это подтверждает наше мнение о том, что говорящий знаком с правилами риторики и их умело ими пользуется. Например, в ходе выступления автор говорит от первого лица, но при этом ориентируется на слушателей. А. К. Михальская считает, что оратор должен делиться личным опытом и обращаться к адресату, чтобы постоянно владеть его вниманием (Михальская 1996, с. 287).

Остановимся подробнее на результатах анализа отобранных монологов.

Среди всех выступлений были выбраны именно те монологи, которые являются показательными с точки зрения аргументации, т.е. в них имеются контраргумент и его опровержение, тезис 1 и тезис 2, сопоставление, разнообразие композиционных средств и использование риторических приемов.

Анализ монологов показал, что средства, которыми говорящие пользуются, не являются специфическими для спонтанной монологической речи и для анализируемых нами аргументирующих стратегий.

Так, в *монологе 1* и в *монологе 2* дано сопоставление позитивных и негативных сторон цензуры. Сопоставление выражено синтаксическими средствами только в *монологе 1*, а в *монологе 2* маркер сопоставления – это противительный союз *"но"*. Из этого следует, что аргументирующий приём «сопоставление» может быть выражен по-разному. Один из этих способов – это синтаксическое средство *С одной стороны... С другой стороны,...*, которое используется не только в спонтанной монологической речи, но и в диалогической тоже.

Вводное слово *"Конечно"* используется в трёх монологах для введения разных типов информации. В *монологе 1* оно содержится в выводе к аргументам, в *монологе 2* вводит аргументацию, а в *монологе 1б* – контраргумент.

Учитывая это, можно сделать вывод, что контраргумент не всегда выражен специфическими синтаксическими средствами.

То же самое наблюдается при опровержении контраргумента, которое выражено не синтаксическими средствами, а вводится противительным союзом "но".

Анализ других синтаксических средств свидетельствует о том, что средства, использованные говорящими, встречаются в разных жанрах аргументирующей речи. Кроме того, одно и то же средство может быть использовано в разных контекстах и с разными функциями.

Лексические средства аргументирующей речи в спонтанном монологе.

Два лексических средства встречаются почти во всех анализируемых монологах: наречие *поэтому* и подчинительный союз со значением причины *потому что*.

В монологе 1, в монологе 2 и в монологе 16 наречие *поэтому* используется для формулирования вывода, а в монологе 16 – для подтверждения тезиса после опровержения контраргумента.

Союз *потому что* в монологе 2, в монологе 16 и в монологе 30 вводит аргумент в поддержку тезиса. Следует подчеркнуть, что в монологе 1 тезис выражен фразеологизмом «палка о двух концах».

Кроме того, во всех монологах говорящие активно используют однокоренные слова.

Поскольку тема монолога 1 и монолога 2 одна и та же, то можно анализировать их вместе.

В монологе 1 ключевые слова: *цензура* (6 раз), *писатель* (4 раза), *чиновник* (3 раза), *произведение* (2 раза). Кроме того, слово «всегда» имеет фразовое ударение. Однокоренные слова: *цензура*, *цензоры*; *контроль*, *контролировать*; *власть*, *подвластный*.

В монологе 2 информативный каркас образуют слова: *цензура* (5 раз), *публикация* (2 раза), *произведение* (4 раза) и однокоренные слова: *цензура*, *цензоры*, *нецензурное* и *публикация*, *опубликованный*.

В монологе 12 только глагол *узнать* повторяется 2 раза, и это отсылка к глаголу *знать*, который представлен в пословице деепричастием («Не зная

броду, не суйся в воду»). В этом монологе присутствует и средство выразительности – метафора (*можно броситься в эту самую воду с разбега, но кто знает, какие подводные камни скрывает дно*), которая используется для контраргумента и для его опровержения.

В монологе 16 повторяются по два раза глагол *влиять* и существительное *будущее*.

В монологе 30 ключевыми словами являются: *интеллигентность* (2 раза), *интеллигент* (13 раз). Используются однокоренные слова: *интеллигентность, интеллигент, интеллект*» и «*знать, знание, познать*.

Повторение тех или иных слов и присутствие однокоренных слов зависит непосредственно от темы монолога.

2.4. Идеальная модель аргументирующей речи в спонтанном монологе.

Этот параграф посвящен сравнению спонтанных монологов участников игры «Сила слова» с идеальной моделью аргументирующей монологической речи.

Идеальная модель аргументирующей речи в спонтанном монологе была разработана на основе идеальной модели критической дискуссии, предлагаемой голландскими учеными в рамках прагма-диалектического подхода к изучению аргументации.⁴³

Систематизируем особенности идеальной модели критической дискуссии.

Первое и основное условие для самого существования и реализации аргументации – это наличие точки зрения. Это обязательный компонент, поскольку демонстрирует различие во мнениях, которое необходимо для начала аргументативного процесса. По мнению Ф. Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста, в одной и той же аргументации могут обсуждаться одна и более точек зрения (van Eemeren et al. 2014, с. 7). Важно подчеркнуть, что это

⁴³ См. глава I.

различие во мнениях может быть реальным или воображаемым (придуманным говорящим/пишущим для того, чтобы вступить в дискуссию по обсуждаемой теме).

В процессе разработки идеальной модели мы учитывали особенности проанализированных нами монологов. В этих текстах дискуссия не возникает спонтанно: говорящие не сами выбирают тему, и не от них зависит желание вступить в дискуссию. Более того, по нашему мнению, в большинстве случаев сама тема или постановка проблемы оказывают мощное влияние на говорящих, подсказывая им не только структуру аргументации, но и точку зрения, которой они должны поддерживаться на протяжении всего выступления.

В качестве примера можно привести монологи на основе пословиц. Пословицы содержат определённую квинтэссенцию мысли, которая является плодом векового опыта данного народа. Поэтому чаще всего в своей аргументации говорящий не высказывает собственную точку зрения, поскольку трудно что-либо противопоставить народной мудрости.

Второй элемент, который должен присутствовать в каждой аргументации, – это аргумент в поддержку точки зрения.

Голландские исследователи подчёркивают, что количество аргументов не важно: может присутствовать один или больше. Самое главное заключается в убедительности приведённого аргумента (van Eemeren, Grootendorst 1992, с. 71).

Третий элемент касается структуры аргументации: выделяются четыре стадии дискуссии в виде монологического высказывания, которые должны имплицитно или эксплицитно присутствовать в каждой аргументации необязательно в строгой последовательности: стадия конфронтации; стадия начала дискуссии; стадия аргументации; заключительная стадия (van Eemeren et al. 2002, p. 29)⁴⁴.

⁴⁴ См. глава I.

Учитывая ситуацию, в которой реализуются монологи школьников, первая стадия отсутствует. Особенность данной стадии состоит в том, что говорящий/пишущий устанавливает наличие спорного момента, поэтому высказывает сомнения либо имеющиеся, либо потенциальные.

На наш взгляд, отсутствие стадии конфронтации не влияет на реализацию успешной аргументации.

Резюмируя, можно сказать, что критерии для успешной и убедительной аргументации следующие:

- наличие одной или более точек зрения;
- наличие одного или более аргументов в поддержку точки зрения;
- три стадии аргументации: стадия начала дискуссии; стадия аргументации; заключительная стадия.

Рассмотрим материал нашего исследования на основе приведённых выше критериев.

• *Точка зрения.*

Точка зрения присутствует во всех монологах, кроме *монолога 35*. Как отмечалось ранее, обычно точка зрения уже дана или подсказана в формулировке темы. Поэтому, хотя не все темы простые и вызывают у говорящих трудности при их понимании⁴⁵, почти во всех монологах имеется одна точка зрения.

Тема *монолога 35* – эпитафия к роману «Анна Каренина» Л. Н. Толстого: «Мне отмщение, и аз воздам»⁴⁶. Говорящий не формулирует точку зрения, а только комментирует тему: *ещё в Ветхом Завете поднимается тема мести*.

Автор монолога рассказывает о том, как трактуется "месть" в Библии, «в классической европейской дворянской культуре» и, наконец, в романе

⁴⁵ В данной работе не ставилась задача определить правильность понимания темы монолога. Однако допускаем, что неадекватность понимания могла повлиять на выбор аргументирующих стратегий.

⁴⁶ Цитата из Библии (Ветхий Завет, Пятая книга Моисеева).

Толстого «Анна Каренина». Говорящий привлекает цитаты и крылатые выражения, но не высказывает свою позицию.

На наш взгляд, отсутствие точки зрения может быть обусловлено трудностью понимания предложенной темы, а не отсутствием умений аргументировать. Дело в том, что тот же самый говорящий уже продемонстрировал владение аргументативными стратегиями в *монолог 3*, где присутствуют точка зрения, аргументы, вторая и третья стадия аргументации, т.е. почти все элементы (кроме первой стадии аргументации) идеальной модели аргументирующей спонтанной монологической речи.

Особый интерес представляют те монологи, в которых представлено более одной точки зрения: *монолог 6*, *монолог 10* и *монолог 16*.

Тема *монолога 6* – «Вся наша жизнь игра»⁴⁷. Во вступительной части говорящий имплицитно соглашается с идеей прецедентного текста, и это можно считать первой точкой зрения: *То есть человек постепенно становится то ребёнком, то родителями, выбирает себе какую-то профессию и каждый раз должен вести себя определённым образом.*

Затем с помощью противительного союза "Но", наречия "Ещё" и вводного выражения "Мне кажется", говорящий вводит вторую точку зрения: *Но ещё мне кажется, эту цитату можно понять, как «вся наша жизни игра», и слово «игра» понять, как соревнование.*

Кроме того, в заключении говорящий развивает эту идею: *Пожалуй, цитату можно понимать и так: игра в театре или игра в соревновании.*

По нашему мнению, выражение второй точки зрения указывает на умение говорящего критически относиться даже к тем фактам или идеям, которые многим кажутся очевидными.

Подобная ситуация и в *монолог 10*, тема которого – пословица «Телегу готовь зимой, а сани – летом».

⁴⁷ Измененная цитата из комедии В. Шекспира "Как вам это понравится": «All the world's a stage, And all the men and women merely players».

Говорящий сначала формулирует первую точку зрения: *<...> то есть всегда нужно готовиться к ответственным мероприятиям, чтобы не попасть впросак*. Затем он вводит вторую точку зрения, которая не противоречит первой, а расширяет её: *Но кроме того, в жизни нужно всегда быть готовыми к импровизации, так как жизнь – это очень неопределённая вещь*. Как и в предыдущем монологе, говорящий использует для выражения собственного мнения противительный союз *"Но"* и вводное выражение *"Кроме того"*.

Можно сказать, что попытка представить вторую точку зрения свидетельствует о развитом критическом мышлении говорящего.

Последний монолог, в котором имеется вторая точка зрения, – это *монолог 16*. Однако здесь говорящий выражает своё несогласие с идеей, представленной в пословице.

Тема монолога – пословица «Где родился, там и пригодился». В первой части выступления говорящий выражает первую точку зрения (понимание пословицы), и аргументирует её: *Я считаю, что суть этой пословицы в том, что то окружение, в котором человек находится с детства, во многом влияет на его будущее*.

Затем говорящий выражает своё несогласие с пословицей (*Но, однако я с этой пословицей скорее не согласна, потому что есть множество исключений*) и обосновывает вторую точку зрения.

Собственная точка зрения вводится противительными союзами *"Но"* и *"Однако"*.

Наличие второй точки зрения является доказательством того, что говорящий готов к критическому осмыслению проблемного вопроса и не боится идти против течения.

- *Аргументы.*

Во-первых, уточним, что мы понимаем под аргументами.

Согласно мнению голландских учёных, аргументы – это «ряд предложений, чтобы поддержать ту или другую точку зрения» (van Eemeren, Grootendorst 1992, с. 72). Из этого определения следует, что в понятие «аргумент» входят и конкретные примеры, и умозаключения, и цитаты, и крылатые выражения и т.д.

При анализе монологов было обнаружено, что в каждом из них имеется хотя бы один аргумент.

Несмотря на это, не все аргументы и, следовательно, аргументация в целом, одинаково убедительны. Факты, законы, статистическая информация, цитаты являются сильными аргументами, а личный опыт и доводы, основанные на личной уверенности, – слабыми.

Можно утверждать, что большинство аргументов в отобранных для анализа монологах являются слабыми, поскольку это, скорее, доводы, не подкрепленные объективными фактами.

Приведём некоторые примеры.

Начнём с *монолога 10*, в котором, на наш взгляд, аргументация достаточно убедительная. Тема монолога – пословица «Телегу готовь зимой, а сани – летом»

Говорящий идёт от формы пословицы к ее значению, т.е. объясняет смысл пословицы, анализируя выразительные средства, и это обнаруживается именно во вступительной части монолога: *В этой пословице используется такая стилистическая фигура как параллелизм и реализуется, во-первых, на уровне формы и, во-вторых, на уровне смысла.*

Благодаря стилистическому анализу пословицы становится прозрачной связь между формой и содержанием.

И наоборот, примером неубедительной аргументации является *монолог 15*.

В данном монологе говорящий объясняет значение пословицы, но не прибегает к аргументам. Только во второй части выступления, когда речь идёт

об актуальности пословицы, говорящий приводит аргументы в поддержку своего тезиса.

В результате слушателям понятно значение пословицы, но не совсем ясны ситуации, в которых она может быть использована.

- *Стадии аргументации.*

В ходе анализа монологов мы пришли к выводу, что только в *монологе 30* эксплицитно присутствуют все три стадии аргументации. Кроме того, в данном монологе имеется и стадия конфронтации, которую мы не считали обязательной для текста аргументативного типа. С этим связано то, что этот монолог входит в одну из моделей, представленных в нашей классификации⁴⁸.

Что касается других выступлений, то здесь не наблюдается единообразия: в некоторых монологах первая или последняя стадия присутствуют имплицитно, а в других – отсутствуют.

Приведём некоторые примеры.

Монолог 30 начинается с отсылки к предыдущему выступлению: *Спасибо, я думаю, я могу взять с эстафетную палочку от Вани и начать.*

Затем говорящий вступает в первую стадию – конфронтации, т.е. он устанавливает, что предполагается спор с помощью вопросов, обращенных к себе: *<...> в моей голове проносится образ этого слова, вместе с ним вопрос «Что такое интеллигентность?» и «Могу ли я себя назвать интеллигентом?»*

Данные вопросы означают, что говорящий готов к обсуждению предмета спора и к аргументации. С другой стороны, они определяют композиционную структуру монолога.

На последней стадии говорящий констатирует, что спор разрешен: *И опять же это главный критерий, почему я не считаю себя интеллигентом. Абсолютный конец монолога: Наверно, это пока, что всё, что я могу сказать об этом слове.* Таким образом говорящий подводит итог своих рассуждений.

Монолог заканчивается обращением к слушателям.

⁴⁸ См. параграф 2.2 второй главы.

На наш взгляд, из всех монологов *монолог 30* – единственный, который соответствует критериям, предъявляемым к идеальному монологу аргументирующего типа.

Несмотря на это, аргументы, которые говорящий приводит в поддержку тезиса, не являются сильными, потому что основываются только на личных впечатлениях и опыте.

Сказанное позволяет утверждать, что, с одной стороны, *монолог 30* представляет собой идеальную модель аргументации, но с другой стороны, сама аргументация недостаточно убедительна.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Во второй главе представлен анализ и классификация спонтанных монологов, которые послужили материалом исследования.

Мы обратили внимание на особенности выбранных спонтанных аргументирующих монологов и на те факторы, которые в разной степени влияют на порождение выступлений. Совершенно новая для говорящих ситуация общения, ограничение по времени и тема, которая уже сформулирована, несомненно, влияют на аргументацию и выбор композиционных, синтаксических и лексических средств для построения монолога.

На основе анализа композиционных, синтаксических и лексических средств аргументирующей речи была предложена классификация монологов, в которую вошли семь групп.

Исследование композиционных средств позволило прийти к выводу о том, что на построение монолога и на выбор тех или иных композиционных средств в значительной степени влияют не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы:

- *Ситуация общения и психологический фактор.* Было установлено, что монологи, которые следуют один за другим в одном выпуске, могут иметь сходства, поскольку тактика говорящих так или иначе влияет на последующие выступления. Кроме того, из-за присутствия жюри и публики, участники предпочитают использовать знакомые им языковые средства, потому что боятся допустить ошибки, за которые снижаются баллы;
- *Тема.* В ряде случаев формулировка темы оказывает влияние на выбор композиционной структуры. Говорящий не может отойти от формы, в которой дана тема. Это значит, что уровень спонтанности уменьшается, а уровень мотивированности увеличивается, поскольку первичный текст влияет на выбор

средств вторичного текста. Более того, формулировка темы может облегчать или, наоборот, затруднять задачу говорящих;

- *Отсутствие знаний композиционных средств или/и приёмов риторики.*

Композиционные средства, обнаруженные нами в аутентичных монологах, являются специфическими для спонтанной монологической речи и для аргументирующих стратегий.

На выбор синтаксических средств влияет главным образом языковой опыт говорящего, владение синтаксическими средствами аргументации и стрессовая ситуация публичного общения.

Мы заметили, что в отличие от композиционных средств, синтаксические средства, используемые говорящими, встречаются в разных жанрах аргументирующей речи. Одно и то же средство может быть использовано в разных контекстах и с разными функциями. Из этого становится ясным, что синтаксические средства не являются специфическими для спонтанной монологической речи и способов аргументации.

Употребление тех или иных лексических средств, их повторение и присутствие однокоренных слов зависит непосредственно от темы монолога.

В главе была описана идеальная модель аргументирующей речи в спонтанном монологе, разработанная на основе идеальной модели критической дискуссии, которая была предложена голландскими учеными Ф. Х. Ван Еемереном и Р. Гроотендорстом в рамках прагма-диалектического подхода к изучению аргументации. Сравнение идеальной модели с отобранными монологическими текстами позволяет сделать вывод, что главный недостаток этих монологов – это отсутствие сильных аргументов и их однообразие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель данной работы заключалась в том, чтобы выявить лексические, синтаксические и композиционные средства аргументирующей речи в спонтанном монологе на русском языке и проанализировать их функционально-коммуникативные особенности.

Было обнаружено, что с одной стороны, композиционные средства, использованные в этих монологах, являются специфическими для спонтанной монологической речи и для анализируемых аргументирующих стратегий. С другой стороны, синтаксические и лексические средства не отличаются ярко выраженными особенностями.

Исследование позволило установить, что участники (старшеклассники) не в достаточной степени владеют приёмами риторики и средствами аргументации.

Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что функционально-коммуникативные особенности языковых средств аргументации в спонтанном монологе будут проявляться в той или иной степени в зависимости от речевого опыта говорящего.

Представляется, что результаты и выводы настоящей работы могут быть полезны в ряде исследований, посвящённых аргументирующей речи в целом, а в частности, специфике функционирования языковых средств, используемых для аргументации в устном спонтанном монологе. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы при обучении российских студентов средствам аргументации и при формировании аргументативных умений у иностранных студентов, изучающих русский язык.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А. П.* Аргументация. Познание. Общение. М.: Изд-во МГУ, 1991. 150 с.
2. *Баранов А. Н.* Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 47 с.
3. *Баранов А. Н.* Аргументация как языковой и когнитивный феномен // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / [отв. ред. Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов]. М.: Наука, 1990. С. 40–52.
4. *Белова Е. Н.* Структура и семантика аргументативного дискурса (на материале слушаний комитетов и подкомитетов Конгресса США): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996. 18 с.
5. *Берков В.Ф.* Аргументация и вопрос // Речевое общение и аргументация. СПб., Амстердам: С.-Петербургск. гос. ун-т, 1993. Вып. 1. С. 61–67.
6. *Блинов А.Д., Петров В.В.* Дискурсивные акты и теория аргументации // Философские проблемы аргументации / Ред. Г.А. Брутян и др. Ереван: Изд. Арм. ССР, 1986. С. 356–367.
7. *Богданова Н. В., Бродт И. С., Куканова В. В., Павлова О. В., Сапунова Е. М., Филиппова Н. С.* О «корпусе» текстов живой речи: принципы формирования и возможности описания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Выпуск 7 (14). По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2008) / Гл. ред. А. Е. Кибрик. М., 2008. С. 57–61.
8. *Брутян Г. А.* Аргументация (Общая характеристика) // Вопросы философии. 1982. Вып. 11. С. 43–52.
9. *Брутян Г. А.* Аргументация. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1984. 105 с.
10. *Буваева Б. В.* Убеждающая речь в современной риторике // Начальная школа плюс до и после. 2014. № 3. С. 76–79.
11. *Ван Еемеерен Ф. Х., Гроотендорст Р.* Аргументация, коммуникация и ошибки: пер. с англ. / Франс Х. ван Еемеерен, Роб Гроотендорст; Амстердам. ун-т. СПб.: Васильевский остров, 1992. 207 с.

12. *Варзонин Ю. Н.* Эффективность воздействия / взаимодействия с позиций риторической модели // Тверской лингвистический меридиан. Вып. 2. Тверь: Тверск. гос. ун-т, 1999. С. 42–50.
13. *Васильев Л. Г.* Аргументативные исследования: основы проблемы и современное состояние // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Ижевск: Удмурдск. гос. ун-т, 2002. С. 22–44.
14. *Васильев Л. Г.* Аспекты аргументации. Тверь: Тверск. гос. ун-т, 1992. 42 с.
15. *Васильев Л. Г.* Лингвоаргументологический анализ рассуждений в письменном тексте // Коммуникативные исследования 2003: современная антология. Волгоград: Перемена, 2003. С. 164–180.
16. *Васильев Л. Г.* Основы аргументации: модель аргументативных функций. Калуга: КГПУ, 1995. 15 с.
17. *Васильев Л. Г., Касьянова Ю. И.* Аргумент и его структурная интерпретация // Вестник Удмуртского Университета. 2012. № 4. С. 119–125.
18. *Васильев Л. Г., Ощепкова Н. А.* Прагматика аргумента: коммуникативный подход // Тверской лингвистический меридиан. Вып. 3. Тверь: Тверск. гос. ун-т, 1999. С. 43–50.
19. *Вердербер Р., Вердербер К.* Психология общения. СПб.: ПРАЙМ ЕВРОЗНАК, 2003. 320 с.
20. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–93.
21. *Волкова Н. А., Васильев Л. Г.* К оценке моделей аргументологии // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: Сборник научных трудов. Пятигорск: Пятигорск, гос. лингв. ун-т, 2004. С. 22–28.
22. *Вольская Н. Б., Степанова С. Б.* О некоторых проблемах синтагматического членения спонтанного текста // Матер. XXXIV Междунар. филологич. конф. СПб., 2005. Вып. 10. Секция фонетики. Ч. I. С. 16–24.

23. *Гавришина И. Н.* Функционально-коммуникативная специфика речевой аргументации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 20 с.
24. *Гельгардт Р. Р.* Рассуждения в диалогах и монологах (к общей теории высказывания) // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. Т. 2. Вып. 1. Калинин: Калинин. пед. институт, 1971. С. 28–153.
25. *Гусева О.А.* Риторико-аргументативные характеристики политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 17 с.
26. *Зайцева В.Ю.* Аргументативный дискурс носителей когнитивного стиля «конкретная / абстрактная концептуализация»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2012. 16 с.
27. *Земская Е. А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи / Отв. ред. *Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская*. М., 1988. С. 5–44.
28. *Ивин А. А.* Основы теории аргументации. Учебник. М.: Владос, 1997. 352 с.
29. *Изотова Н.В.* Диалог и монолог как формы речи: сравнительная характеристика // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. С. 60–67.
30. *Калашиникова С. В.* Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе: автореф. дис... канд. филол. наук. Калуга, 2007. 191 с.
31. *Киселева В.В.* Варьирование вербальных реакций в аргументативном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2006. 19 с.
32. *Кунаева Н. В.* Аргументативный дискурс: основные подходы к изучению и проблемы анализа // Вестник Воронежского государственного университета. Воронеж, 2007. № 2. С. 5–8.
33. *Ладыженская Т. А.* Живое слово: Устная речь как средство и предмет обучения: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» – М.: Просвещение, 1986. 127 с.
34. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

35. *Михайлов В.А.* О специфике аргументации в процессе научной дискуссии // *Философские проблемы аргументации* / Ред. Г.А. Брутян и др. Ереван: Изд. Арм. ССР, 1986. С. 71–76.
36. *Михальская А. К.* Основы риторики. Мысль и слово. Учебное пособие. М.: Просвещение, 1996. 416 с.
37. *Ощепкова Н. А.* Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: прагмалингвистический анализ убедительности рассуждения (на материале политических дебатов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 18 с.
38. *Ощепкова Н. А.* Структура сложного аргументативного дискурса: адекватная оценка. Краткий обзор // *Педагогический университетский вестник Алтая*. 2002. № 4. С. 37–46.
39. *Ощепкова Н. А.* Языковые средства описания аргументативности // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2011. № 6. С. 228–233.
40. *Петрухина О. П.* Аргументативный дискурс британского политика через призму прагма-диалектической теории аргументации // *Гуманитарные науки. Хакасский государственный университет*. 2016. № 12. С. 140–144.
41. *Пучкова Е.В.* Аргументативно-лингвистический анализ дискурса опровержения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 20 с.
42. *Степихов А. А.* Соотношение синтаксического и интонационного членения в спонтанном монологе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 26 с.
43. *Тимошенко Т. Е.* Риторика. Практикум. М.: Флинта, 2009. 96 с.
44. *Фанян Н. Ю.* Аргументация как лингвопрагматическая структура: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 49 с.
45. *Филиппова Н.С.* Спонтанный монолог-описание: композиционные особенности жанра // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2008. Вып. 4. Ч. II. С. 211–217.

46. *Филиппова Л. С., Филиппов В. А.* Русский язык и культура речи. Учебное пособие. 6-е изд., перераб. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2010. 436 с.
47. *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. Ред. Матусевич М. И. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.
48. *Якубинский Л. П.* Избранные работы. Язык и его функционирование. Отв. ред. А. А. Леонтьев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз., Комис. по истории филол. наук. М.: Наука, 1986. 205,[2] с.
49. *Blair J.A.* (1998). Walton's Argumentation Schemes for Presumptive Reasoning: A critique and development // Proceedings of the 4th ISSA, Ed. By F.H. van Eemeren et. al. Amsterdam: Sicsat. Pp. 56–61.
50. *Blair J. A. & Johnson R. H.* (1987). The current state of Informal Logic // Informal Logic. Vol. 9, № 2/3. Pp. 147–151.
51. *Cantù P. e Testa I.* (2006). Teorie dell'argomentazione. Un'introduzione alle logiche del dialogo, Milano: Bruno Mondadori. 187 p.
52. *Cattani A.* (1995). Discorsi ingannevoli. Argomenti per difendersi, attaccare, divertirsi, Padova, Edizioni GB. 208 p.
53. *Crable R.E.* (1976). Argumentation as Communication: Reasoning with Receivers. Columbus (Ohio): A. Bell and Howell Company. 276 p.
54. *Drid T.* (2016). A Pragma-Dialectical Approach to Argumentative Discourse // Khazar Journal of Humanities and Social Sciences. Volume 19 № 4. Pp. 20–35.
55. *Johnson R. H. & Blair J. A.* (2000). Informal Logic: An Overview // Informal Logic. Vol. 20. № 2. Pp. 93–107.
56. *Lo Cascio V.* (1991). Grammatica dell'argomentare. Firenze: La Nuova Italia Editrice. 448 p.
57. *Perelman C., Olbrechts-Tyteca L.* (1966). Trattato dell'argomentazione: la nuova retorica. Torino: Einaudi. 593 p.
58. *Toulmin S.* (1975). Gli usi dell'argomentazione. Torino: Rosenberg & Sellier., 237 p.
59. *Toulmin S. E.* (1958). The Uses of Argument. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. 415 p.

60. *Valinciute A.* (2013). Applying the pragma-dialectical theory to framing analysis: a new approach and method. University of Amsterdam: Graduate School of Humanities. 66 p.
61. *van Eemeren, F. H., & Grootendorst, R.* (1992). Argumentation, communication, and fallacies. A pragma-dialectical perspective. Lawrence Erlbaum Associates, Hillsdale, NJ. 236 p.
62. *van Eemeren F. H., Grootendorst R.* (2004). A systematic theory of Argumentation. The pragma-dialectical approach. 208 p.
63. *van Eemeren F. H. & Grootendorst R.* (1999). Developments in Argumentation Theory // Foundations of argumentative text processing. Amsterdam: Amsterdam University Press. 273 p.
64. *van Eemeren, F. H., & Grootendorst, R.* (1999). From analysis to presentation. A pragmadialectical approach to writing argumentative texts. In J. Andriessen & P. Coirier (Eds.), Foundations of argumentative text processing (pp. 59–73). Amsterdam: Amsterdam University Press.
65. *van Eemeren F. H. & Grootendorst R.* (1990). The relevance problem in the analysis of argumentative texts – A pragma-dialectical reconstruction // Hermess: Journal of Language and Communication in Business. № 5. Pp. 57–68.
66. *van Eemeren, F.H., Grootendorst R., Henkemanns F.S.* (2002). Argumentation: analysis, evaluation, presentation. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 216 p.
67. *van Eemeren F. H., Garssen B., Krabbe E. C. W., Snoeck Henkemanns A. F., Verheij B., & Wagemans J. H. M.* (2014). Handbook of Argumentation Theory. Dordrecht: Springer. 988 p.
68. *Ullmer-Ehrich V.* (1981). Linguistische Aspekte der forensischen Argumentation // P. Schröder, H. Steger eds. Dialogforschung. Düsseldorf: Schwann. S.188–225.

СЛОВАРИ

69. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.

70. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Советская Энциклопедия, 1969. 608 с.
71. *Жеребило Т.В.* Теория и понятия лингвистики, Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник. Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. 280 с.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

72. *Демьянков В.З.* Эффективность аргументации как речевого воздействия, 2003. URL: <http://www.infolex.ru/P048.html> (дата обращения: 23.02.2018).
73. *Изотова Н. В.* Диалог и монолог как формы речи: сравнительная характеристика. [Электронный ресурс] // Известия Южного федерального университета. Филологические науки: [сайт]. – [Ростов-на-Дону], 2012. – <http://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/245> (дата обращения: 01.03.2018).
74. *Ладыженская Т.А.* Программа по риторике 5-11 классы. URL: http://school2100.com/upload/download/programy/programy/program_sh-rith.html (дата обращения: 20.02.2018).
75. *Golubev V.* Looking at Argumentation through Communicative Intentions: Ways to Define Fallacies // Proceedings of the 4th ISSA conference Ed. by F. H. Van Eemeren et. al. Amsterdam: Sicsat, 1998. Pp. 239–243. URL: <http://rozenbergquarterly.com/issa-proceedings-1998-looking-at-argumentation-through-communicative-intentions-ways-to-define-fallacies/> (дата обращения: 25.02.2018).

ПРИЛОЖЕНИЕ (скрипты монологов)

Монолог 1

Открытая тема: «Пользу или вред приносит цензура?»

Так, хорошо. Пользу или вред приносит цензура? Цензура – это всегда палка о двух концах. С одной стороны, это важный государственный инструмент, позволяющий власти контролировать обстановку в стране и не допускать к выходу в свет произведений, пропагандирующих серьёзные правонарушения подвластным, там, допустим Федеральной Службе Безопасности и любой службе контроля. Конечно, такое нельзя отпускать на свет. Но с другой стороны, цензура ограничивает писателей. Зачастую цензоры – это обычно чиновники, которые видят, пытаются видеть в произведениях писателей исключительно негатив и пытаются урезать по максимуму, чтобы не возникало никаких пререканий. И это конечно, негативная сторона цензуры. Поэтому, если бы цензура, ну проводилась не только чиновниками, но и писателями, и писатели помогали бы другим, кто проходит цензуру избегать таких моментов, которые могут не понравиться чиновникам, это было бы оптимальным вариантом.

Монолог 2

Открытая тема: «пользу или вред приносит цензура?»

Цензура – это проверка какого-то произведения перед его публикацией и, в общем, выходом в свет. Что же это такое? Какой она может быть? Конечно, у неё есть свои положительные стороны, потому что она отсеивает то, что явно никак не заслуживает публикации. В русском языке есть даже такое прилагательное, что-то "нецензурное", то есть что-то, что ни в коем случае не должно быть опубликованным. Но есть и такая цензура, о которой говорится в цитате Радищева. Поэтому, я думаю, цензура должна быть всегда в разумных пределах. Цензура не должна ограничивать свободу мыслей писателей, журналистов, режиссеров и так далее, всех тех, кто создаёт какие-то произведения. Иначе существование просто всех этих произведений теряет смысл, потому что цензоры переиначивают произведения и навязывают своё содержание. Поэтому цензура все-таки должна быть, но в разумных пределах.

Монолог 3

Открытая тема: «Пользу или вред приносит цензура?»

Да. Всё зависит на самом деле от того, что мы понимаем под цензурой. Можно понимать, ну да, в широком смысле, цензура – это какое-то ограничение сверху, ну, со стороны власти какой-то языковой деятельности. Можно, например, вначале рассмотреть такой языковой деятельности как в средствах... в средствах массовой информации, ну, что нам говорят дикторы, то, что говорят на телевидении, на радио, люди, которых видит, как

бы, вся страна. И в этом, и здесь я за грамматическую что ли цензуру, потому что, если будут употребляться нецензурные выражения или какие-то грамматические неправильные выражения в вот прямо по каналам телевизионным, которые смотрит вся страна, – это, конечно, сделает уровень языковой грамотности у населения более низким. Но в широком смысле вот цензура какая-то идеологическая – это однозначно плохо, потому что это мешает людям воспринимать художественный смысл произведений правильно. Можно вспомнить, например, ну печальный опыт в СССР, когда цензурировались произведения, все произведения, которые содержали в себе какой-то религиозной, какие-то религиозные мотивы, но ведь как бы большая часть русской классики, она основана на крестьянских мотивах. Поэтому, ну там, Толстого, Булгакова, их цензурировали, и это мешало читателям воспринимать то, что они написали в правильном полном смысле. Поэтому в этом смысле цензуру я считаю это плохо.

Монолог 4

Цитата: «Любви все возрасты покорны»

С самого рождения ребёнка окружает любовь родителей и забота о нём, и, подрастая, он тоже учится любить людей в этом мире и дружить с людьми. Но не всегда, к сожалению, так любовь получается удачной и имеет ответ с противоположенной стороны. В пример можно привести поэму Пушкина с «Евгений Онегин». Татьяна любила Евгения своей чистой, девственной, непорочной любовью, а он, к сожалению, не мог ответить ей взаимностью, так как был старше и понимал, что ни к чему хорошему это не приведёт, поэтому невозможно строить любовь на отношениях, если очень большая у людей разница в возрасте, всё-таки должна быть какая-то определённая... схожие интересы...эта разница не должна превышать 10 лет, и тогда это действительно будут крепкие отношения и высокая любовь, которая будет согревать людей на протяжении всей их жизни.

Монолог 5

Цитата: «Умом Россию не понять»

«Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить:

У ней особенная стать –

В Россию нужно только верить.»

Мысль этого стихотворения состоит в том, что Россия – это страна не такая, как другие страны Европы. Она не настолько подчинена логике и правильности, порядку, как ему подчинены остальные страны. И чтобы понять Россию, нужно не думать, а чувствовать, а это не получается у других стран. Я хочу также привести другое сравнение России с тройкой, которая впервые была упомянута Николаем Васильевичем Гоголем в поэме

«Мёртвые души» и потом была разобрана Фёдором Михайловичем Достоевским в романе «Братья Карамазовы» в обвинительной речи прокурора. Он говорил, что Россия подобна скачущей тройке, и другие народы сторонятся её, потому что и хорошо, что они её сторонятся, потому что опасно стоять у неё на пути. И это ещё раз подтверждает ту мысль, что Россия непостижима обычной логикой и разумом.

Монолог 6

Цитата: «Вся наша жизнь игра»

У Вильяма Шекспира... автор этой цитаты подразумевал, что игра – это игра в театре, т.е. люди в течение своей жизни надевают разные маски и предстают в разных ролях. То есть человек постепенно становится то ребёнком, то родителями, выбирает себе какую-то профессию и каждый раз должен вести себя определённым образом. И таким образом можно продолжить фразу «Вся наша жизнь – игра, а люди в ней актёры». Но ещё мне кажется, эту цитату можно понять как «вся наша жизни игра», и слово «игра» понять как соревнование. То есть в течение жизни человек постоянно соревнуется со своими окружающими его людьми и в чём-то проигрывает, и в чём-то выигрывает. Но мне это понимание цитаты, пожалуй, подходит ближе, хотя оно и нелаконичное. Пожалуй, цитату можно понимать и так: игра в театре или игра в соревновании.

Монолог 7

Цитата: «Зачем вы, девушки, красивых любите?»

Тема песни – это любовь, вечная тема. Рассуждают, например, что же такое любовь. Любовь – это серьёзное сложное чувство, когда два человека подходят друг другу по характеру и внешне друг другу импонируют, у них общие интересы. Когда нравится только внешность, только красота, это всё-таки влюблённость. Но к сожалению, особенно молодые юные девушки, подростки, они путают влюблённость, увлечение внешностью, образом, с настоящей любовью. Например, у нас у всех есть кумиры, любимые певцы, любимые актёры, мы смотрим на красивую картинку с обложки журнала, и нам кажется, что мы его очень сильно любим. А на самом деле нам нравится только его образ, как человека мы не знаем этого исполнителя и зря мучаемся, зря страдаем, если можно так сказать.

Монолог 8

Цитата: «Глаголом жги сердца людей!»

Когда мы начинаем говорить о стихотворении, конечно же, всё-таки нужно задуматься над смыслом. Здесь смысл, безусловно, библейский. Я понимаю, что далеко не все присутствующие в данной аудитории – верующие люди, но лично я убеждённая христианка. А и здесь, конечно же, есть отсылка к ну...на протяжении всего стихотворения Александр Сергеевич нам описывает разные метаморфозы, которые проводят над в

сущности просто выбранной жертвой. Но опять же неслучайно, это небесный выбор, поэтому о судьбе здесь говорить нечего. И после этого, наделяя его ну... высшим знанием, высшей силой его глагол уже начинает становиться не тем, не той, ну не знаю, отсылкой к Тютчеву «мысль изреченная есть ложь». Это только правда. То, что способны извлечь из себя уста пророка, может исходить лишь только от создания Всевышнего.

Монолог 9

Цитата: «Герой нашего времени»

Эта цитата символизирует какой-то прорыв, особенность или нетипичность, предположим, если мы говорим о рекламе какого-то продукта. И, например, когда человек слушает слово «герой», у него возникает образ силы, особенности, красоты, например, и такое может завлечь человека. Даже человек, который не читал, предположим, эту книгу или просто, грубо говоря, забыл, или она ему не понравилась, или что-то ещё, естественно, это название на слуху, и поэтому человек может вспомнить, что он когда-то слышал такие слова на уроке литературы в школе или он видел такую книжку в библиотеке с красивым переплётом. И у него возникают ассоциации с чем-то культурным известным и тем, что одобряет общество. Поэтому человек... эта фраза может завлечь человека.

Монолог 10

Пословица: «Телегу готовь зимой, а сани – летом»

«Телегу готовь зимой, а сани – летом». В этой пословице используется такая стилистическая фигура как параллелизм и реализуется, во-первых, на уровне формы и, во-вторых, на уровне смысла. Так как телега и сани здесь являются подлежащими, а зимой и летом – обстоятельствами времени. То есть предложения имеют схожую структуру. Сказуемое «готовь» заменено на тире во второй части предложения. Кроме того, телега и сани обозначают средства для передвижения, которые используются в разные времена года: телега – летом, а сани – зимой. И телега, и сани, зима и лето становятся здесь как бы контекстными антонимами. И оба эти примера являются иллюстрациями к тому, как в жизни важна предусмотрительность, то есть всегда нужно готовиться к ответственным мероприятиям, чтобы не попасть впросак. Например, это касается таких ответственных мероприятий, как экзамены. Но кроме того, в жизни нужно всегда быть готовыми к импровизации, так как жизнь – это очень неопределённая вещь, и на каждом шагу нас могут поджидать неожиданные и интересные случаи, к которым всегда надо быть готовым, точнее, нет, к ним наоборот не подготовишься, нужно, наоборот, уметь встретить их, принять с улыбкой и не впадать в панику.

Монолог 11

Пословица: «Шила в мешке не утаишь»

«Шила в мешке не утаишь». Казалось бы, очевидная вещь, ведь острое, даже если не проткнет ткань, то будет видно сквозь нее. Но к сожалению, мы иногда забываем эту пословицу, когда хотим что-то скрыть, утаить от кого-то. Вот думаем, говорить или не говорить кому-то. Но при этом нужно помнить, что тайна всегда становится явной, как говорилось в рассказе Виктора Драгунского. Даже в уголовном праве существует, ну как бы отдельный пункт – явка с повинной, то есть, если преступник сам сознался в своём преступлении, то ему полагается, возможно, меньшее наказание. И в том, чтобы говорить правду, а не утаивать шило в мешке, есть тоже свои плюсы. Не нужно вспоминать кому-то, что соврал, кому что рассказал, кому не рассказывал. Так что не нужно таить шило в мешке, и говорите всем правду, потому что это честно.

Монолог 12

Пословица: «Не зная броду, не суйся в воду»

Итак, «Не зная броду, не суйся в воду». Как любая другая пословица, эта скрывает в себе старинную народную мудрость. И говоря «не зная броду, не суйся в воду», мы обычно имеем в виду, что перед ответственным делом необходимо, так сказать, разведать обстановку, узнать подробности предстоящего. Ну конечно, есть и другой путь, можно броситься в эту самую воду с разбега, но кто знает, какие подводные камни скрывает дно, поэтому перед тем, как согласиться на что-либо важное, нужно обезопасить себя и, соответственно, узнать, что тебя ожидает. И можно вывести мораль, что главное в любых делах – это осведомлённость.

Монолог 13

Пословица: «Рыба ищет, где глубже, а человек - где лучше»

Всегда ищи выгоду, цель оправдывает средства. Именно этот принцип отличает мотив, является основной концепцией всех макиавеллистов, утилитаристов и прагматиков. Стремление к наживе, стремление к поиску лучшего, стремление к удовлетворению своих материальных потребностей, порой корыстные цели, безусловно, всегда приводило и приводит в современном мире к страшным последствиям. Во-первых, к духовному оскудению человека, к потере его нравственных ориентиров, нравственных установок, краху его идеологии, краху его мировоззрения. Эта тема, тема духовного оскудения человека, особенно важна и особенно актуальна в современную эпоху, когда традиционные ценности, к сожалению, уходят на второй план, и, конечно же, «нажива-корысть» являются порою основными целями существования если не всех, то очень многих безнравственных, духовных бедных людей. Подтверждением своих слов, потому что это действительно приводит к страшным, порой катастрофическим последствиям, могут служить, конечно же, многие герои литературных произведений. Например, Родион Раскольников, который,

собственно говоря, разработал свою идеологию ради единственной цели – наживы. И к сожалению, мы видим, к чему это привело. Его идеология распалась, и Раскольников далеко не сразу обрёл счастье.

Монолог 14

Пословица: «На чужой каравай рот не разевай»

«На чужой каравай рот не разевай». Эта пословица призывает нас прежде всего не жить чужим умом и чужими мыслями. Она призывает нас делать, добиться всего в своей жизни только своими руками. Я полагаю, что именно это и называется достоинством человека. И недаром такой ценностью обладает характеристика человека, который сделал себя сам. А литературный пример могу привести из повести Александра Сергеевича Пушкина «Капитанская дочка». Действительно, главный герой Пётр Алексеевич Гринёв никогда не терял свою честь, своё достоинство. Недаром именно из этой повести вышла такая фраза как «Береги честь смолоду». Конечно, это можно перенести и в наш мир. И сейчас мы считаем достаточно малодушным, если человек берёт чужие мысли, чужие идеи и преобразует их в свои.

Монолог 15

Пословица: «Что написано пером не вырубишь топором»

«Что написано пером не вырубишь топором». Данная пословица посвящена силе слова, силе написанного текста, силе искусства, в частности, литературы. Она показывает, что какие-либо знания и особенно знания, зафиксированные в письменном виде, на бумаге, невозможно уничтожить грубой силой. Она демонстрирует торжество искусства против грубой физической силы, опять-таки, которое невозможно уничтожить. Данная пословица очень актуальна во все времена, так как всегда находились те или иные какие-то знания, факты, которые общественность, и в особенности, власть, государство старалось скрыть от широких слоев населения. И это всегда было, есть и будет. Поэтому эта фраза актуальна.

Монолог 16

Пословица: «Где родился, там и пригодился»

«Где родился, там и пригодился». Я считаю, что суть этой пословицы в том, что то окружение, в котором человек находится с детства, во многом влияет на его будущее. Например, ребёнок рождённый в семье, где мама, папа – врачи, например, вполне возможно, он станет тоже доктором. Здесь есть множество примеров. Вот, например, Александр Сергеевич Пушкин. Его дядя был писателем, возможно это как раз-таки повлияло на его будущее, и в нашей стране появилось солнце русской поэзии. Но, однако, я с этой пословицей, скорее, не согласна, потому что есть множество исключений. Взять того же Михаила Васильевича Ломоносова, который, дойдя пешком до Москвы, стал одним

из самых величайших учёных в истории России. В его же семье не было тоже учёных каких-то и так далее. Потом можно взять любого военного деятеля, например, Кутузова, Суворова, может быть, если бы они не стали сами, они сами достигли своих высот, тогда бы просто не было этих знаменитых людей. Поэтому я скорее с этим, с этой пословицей не согласна, хотя исключения тоже бывают.

Монолог 17

Пословица: «Москва слезам не верит»

Мне досталась фраза «Москва слезам не верит». На мой взгляд, я не понимаю, ну я не понимаю эту фразу буквально, и проблема, освещенная многими авторами, коснулась этого высказывания. Это проблема исчезновения общин, исчезновения поддержки внутри общества и усиление индивидуализма. Москва – это действительно город скорости, это город, поставленный на поток, огромный мегаполис, большой город – это мегаполис, и часто в таких городах возникает проблема маленького человека. Связь между людьми, она утрачивается. Это приводит к одиночеству, к непониманию, часто мы не знаем, кто живёт с нами в одном доме. Мы не знаем ни фамилий, ни имён, ни телефонов. Например, также это влияет на гражданское общество, и возникает проблема гражданского общества против общин иммигрантов в России, так, например, армянские общины часто вызывают недоумение у граждан нашей страны.

Монолог 18

Пословица: «Краткость – сестра таланта».

Смысл данного выражения заключается в том, что любая изрекаемая мысль должна быть ёмкой и ясной. Умение органично говорить ценилось человеком на протяжении долгих лет и ещё с античных времён, откуда свои истоки берет слово «лаконичность». Хорошего оратора всегда отличало умение чётко, ясно формулировать тезисы и их обоснование. Таким образом, у такого человека в его речи отсутствуют общие места, и он «не плетет словесы», ясно и точно излагает свои мысли. Так, например, нельзя согласиться во многом с существующим ныне форматом сочинений, включённых в ЕГЭ, в которых требуется определенный объём, поскольку каждый человек имеет свою определённую норму, в которой может уложиться и при этом чётко обосновать своё мнение.

Монолог 19

Пословица: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь»

«Не говори гоп, пока не перепрыгнешь». Давайте предположим, откуда могла появиться такая поговорка в нашей речи. Я предполагаю, что такая поговорка пришла к нам из военных кругов или, возможно, из речи казаков, которые любили похвастаться друг перед другом возможно перед друг другом через какие-то серьёзные препятствия, ямы или

наоборот что-то высокое. Тогда анализируя эту поговорку, я могу предположить, что её можно использовать в четырёх разных смысловых значениях. Например, «Не хвастайся перед тем, как ты не сделал ещё этого дела», не похвалился перед своими товарищами, а уже говоришь гоп. Второе, это может быть воспринято как предостережение против плохой приметы говорить о ещё невыполненных делах, так как будто они уже совершены, опасайтесь сглазить. Третий смысл, который я могу здесь выделить, – это «не расслабляйся, пока ты не выполнила ответственную часть». То есть говоря «гоп». ты подводишь итог, хотя ещё не выполнила самого главного дела. И последнее четвёртое, в этом смысле поговорка может быть сродни поговорке «Поспешись – людей насмешись», потому что, говоря «гоп», ты торопишься перед тем, как ещё не сделал основной части. Всё.

Монолог 20

Пословица: «Где тонко, там и рвётся»

В кратком виде поговорка излагает то, на что может понадобиться целый текст, когда мы говорим без поговорок, даже если определённый уровень владения языком, когда мы уже можем говорить устойчивыми выражениями, идиомами и так далее. То есть можно вообще... можно сказать, что не владеешь языком, пока ты не владеешь пословицами, поговорками и так далее. В поговорке, в пословице «Где тонко, там и рвётся» как раз чистый пример. Если бы мы начали это объяснять, понадобилось, возможно, даже больше минуты, потому что в общем ... в месте, где команда, коллектив, вещи находится слабое место, там и будет, так сказать, брешь. Здесь мы буквально в пяти словах объясняем это всё очень кратко.

Монолог 21

Пословица: «Не всё коту масленица»

Что же, изначально нам была дана расшифровка сложными непонятными, возможно, словами для того, чтобы её понять нужно было разобраться, присмотреться. «Временное ограничение представителей семейства кошачьих в продуктах с большим содержанием жира». И прежде чем перейти к процессу расшифровки, который нам также поможет разобраться со значением, я разделил данное определение, если можно так назвать, на несколько частей. «Временное ограничение», в которое нельзя употреблять жирные продукты, и, вероятно, стоит прийти к выводу, что в Древней Руси – это масленица. «Представители семейства кошачьих» – самый знаменитый на Руси это, естественно, кот. Из-за этого мы рождаем следующее предложение, что «в определённый период для кота не хватает жирных продуктов». Значит, в Масленицу котам масла мало. Собственно, здесь можно наблюдать следующее явление: у нас есть три слова со схожим звучанием «Масленица, масло и мало». Этот приём, возможно, в Древней Руси люди использовали для

того, чтобы упростить восприятие и для того, чтобы проще человек мог понять. «Масленица» и «масло» – слова даже этимологически близкие, даже однокоренные. Значение данной поговорки следующее, что тот, кто что-то очень сильно любит, если будет это получать, то уже не остановится.

Монолог 22

Пословица: «Обжѣгшись на молоке, дует и на воду»

Эта поговорка употребляется, когда какой-то человек после неприятностей, связанных с чем-то одним, вернѣт другое. Это может происходить по разным причинам. Например, это может происходить просто по глупости, когда человек не понимает, из-за чего с ним случились неприятности. А может быть, из-за нежелания признавать свои ошибки. Как, например, ну не знаю, здесь хорошим послужит примером басня Крылова «Мартышка и очки». Мартышка винила в том, что очки не помогли. Сами очки... они своё не знание, как с ними обращаться. Ну или, например, как я бы сейчас сказал, что обвинил составителей задания в том, что дают какие-то мало употребляемые пословицы, а не о том, что просто я мало их знаю. В таком случае это может быть, как я уже говорил, может быть просто из-за непонимания того, что происходит вокруг, или из-за того, из-за какой человеческой гордости и уверенности в собственной правоте.

Монолог 23

Пословица: «Под лежащий камень вода не течѣт»

На мой взгляд, мы очень часто слышим это выражение, но ещё чаще мы сталкиваемся с проблемой, которая скрыта в этой поговорке. Если человек не совершает никаких действий, не старается преодолеть какие-то препятствия, не прикладывает усилий, то он вряд ли сможет достигнуть каких-либо высот, результатов, добиться поставленных целей. В пример я могу привести всем известного героя произведения Гончарова – Обломова. Прибывая буквально в лежащем состоянии, он не смог изменить свой образ жизни, достигнуть целей, и это скорее напутствие каждому, который хочет добиться чего-то, хочет поменяться или совершить какое-то важное значительное событие, действие. Довольно часто это выражение мы встречаем в наши дни, поскольку эта проблема очень актуальна для школьников, для студентов и для каждого человека, кто намечает себе какие-то цели и желает их достигнуть.

Монолог 24

Пословица: «В чужом глазу сучок видим, а в своём бревна не замечаем»

Я думаю, что в данной пословице отражено такое, отражено свойство характера человека, которое присуще многим людям. То есть оно заключается в том, что недостатки других, даже самые мелкие, мы готовы всегда замечать. А какие-то свои промахи, которые

могут быть намного масштабные, мы не видим. Это заключается в противопоставлении слов «сучок» и «бревно». Например, какие-либо мелкие ошибки в речи собеседника мы отметим всегда, а при этом можем совершить грубейшие ошибки, не увидев это даже сами. Я думаю, что эта поговорка также очень актуальна в наше время, потому что это свойство характера человека всегда будет присутствовать.

Монолог 25

Пословица: «Не так страшен чёрт, как его малюют»

Мне досталось выражение «Не так страшен чёрт, как его малюют». Я понимаю это крылатое выражение, точнее, я могу объяснить его через другое крылатое выражение «у страха глаза велики». Бывают ситуации, когда ожидание мыслей о каком-то событии пугает нас гораздо больше, чем самое это событие. И в таких ситуациях нужно просто взять волю в кулак и сделать это. За примером не нужно далеко ходить. Для меня, как я думаю, для многих участников этой телеигры – это все-таки очень волнующее событие. Но я пришла сюда, и я понимаю, что всё не так плохо, как я думала.

Монолог 26

Пословица: «Глаза – зеркало души»

Мне досталось выражение «Глаза – зеркало души». Зеркало раньше называли «зерцало», что, наверно, созвучно слову «созерцать», значит «смотреть», то есть глазами наша душа смотрит на мир. И в психологии, например, по глазам, по взгляду, по выражению лица человека можно определить его эмоции, его поведение, насколько он правдив с нами. И часто люди говорят вот: «У него недобрый взгляд». Нам кажется, что человек на нас как-то враждебно смотрит. То есть все эмоции выражаются в его взгляде. От страха люди часто закрывают глаза, они пытаются оградить свою душу от неприятностей во внешнем мире. И авторы в литературе большое внимание уделяют описанию глаз, взгляда. То есть через взгляд, через глаза мы можем понять личность человека. Мы можем увидеть самую его душу.

Монолог 27

Пословица: «Уговор дороже денег»

Пословица «Уговор дороже денег». Чаще всего она употребляется при случаях, когда человек не выполняет обещанного, или наоборот, когда два человека заключают, например, пари. Обосновать это можно тем, что обязательства, которые человек..., два человека условились выполнить, важнее того, что они могут заплатить за этот поступок впоследствии. Внятных примеров из, например, литературы я не смогла вспомнить. Но что могу сказать от себя – это значение этой пословицы. Она определяет, это определяет

честность человека и его ответственность с совершением тех или иных действий, то, как он себя ведёт и как поступает после любого совершённого им поступка.

Монолог 28

Цитата: «Удаль – это паника, бегущая вперед. Удаль рубит налево и направо»

Возможно, удаль – это что-то вроде того, что помогает человеку действовать в экстремальной ситуации. Почему-то мне сразу пришло на ум два понятия: слово «удача», так как оно больше подходит по звучанию, и русская поговорка «глаза боятся – руки делают». И действительно, можно связать эти два понятия, потому что ну вот, например, на экзамене человек волнуется, он не знает, ответит он на вопрос или нет. И в экстремальной ситуации он действует так, что он вспоминает что-то такое, чему сам удивляется. И вследствие этого он сдаёт свой экзамен, поэтому, то есть он удачливый человек и ему повезло. И поэтому таких примеров можно привести много, когда какая-то действительно страх и паника, как указано в высказывании, человек он, ну, не подавал никогда никаких признаков того, что он может совершить, а он это делает и спасает ситуацию. Например, если что-то случилось, вот он шел по улице и увидел, как человек провалился под лёд и спас его. Я не знаю, как это объяснить, но в любом случае результат положительный, а человек сам удивляется своим действиям, как он вообще смог такое сотворить.

Монолог 29

Цитата: «Правда всего дороже»

Ну на первый взгляд, можно подумать, что это обыкновенное слово «правда», которое мы обычно воспринимаем как противопоставление «лжи». Но мне кажется, Лев Николаевич Толстой имел в виду здесь нечто большее. Ну вот изначально можем подумать, в каких случаях оно используется, то есть «говорить правду», правду, то есть истину. Это обыкновенное употребление, но также можно найти, например, фразеологизм «служить верой и правдой» или однокоренные слова, такие как «праведник» и «справедливость». Праведник – это человек безгрешный, тот, кто живет целомудренно и непорочно. И справедливость – то, что тоже уравнивает, ну, что воздает всем по заслугам. Поэтому «правда всего дороже». Тут именно важно, что она дорога, потому что ну человек находится в обществе..., во-первых, мы можем как раз подразумевать в двух смыслах...то, вот то, что не ложь... человеку находиться в обществе, полном лжецов, неприятно и невозможно, и человеку невозможно находиться в обществе преступном и грешном, кроме того, здесь можно затронуть тему того, что человеку важно знать правду о себе. Но тут вот, кстати, возникает тема того, что некоторые люди не согласны, потому что есть «горькая правда и сладкая ложь», что лучше неизвестность, но мне кажется, что горькая правда, потому что позволяет уравнивать людей и построить все сначала. На этом, я думаю, всё.

Монолог 30

Цитата: «Интеллигентность – это способность к пониманию, к восприятию, это терпимое отношение к миру и к людям»

Спасибо, я думаю, я могу взять с эстафетную палочку от Вани и начать. «Интеллигентность». Не знаю, как ваш, а мой язык делает ровно шесть шажков по небу, и в моей голове проносится образ этого слова, вместе с ним вопрос «что такое интеллигентность?» и «могу ли я себя назвать интеллигентом?». В первую очередь, надо посмотреть на слово. Что мы видим? Первая ассоциация, которая возникла у меня, это слово «интеллект». Действительно, любой интеллигент образован и знает достаточно много, он всегда стремится к знаниям, пытается познать что-то. Я мог бы назвать интеллигентом того человека, который обходчив, ведёт себя как дипломат, не делает резкие движения и не высказывается категорично о ком-то или о чём-то. Терпимый, толерантный человек для меня тоже интеллигент, потому что я не вижу основания не называть интеллигентом того человека, который пытается возвысить себя или опустить какого-то другого по исключительно внешним признакам. Каждый интеллигент для меня человек чести, у него есть чувство долга, у него есть внутренний стержень, которые всегда. И интеллигент всегда постоянно держится своей точки зрения. Для меня интеллигент – это человек утончённый, тонкий. Нет, необязательно это граф в английском поместье, который делает все согласно этикету, но, например, даже в наших реалиях. Я бы не назвал интеллигентом такого человека, который позволил бы себе носить рубашку на выпуск или ходить в рваных джинсах. Наверно, уже и поэтому я не интеллигент. И наверно, самое главное, что отличает интеллигента от обычного человека, – это его усердие, это его готовность работать над всем, что он только выполняет. И опять же это главный критерий, почему я не считаю себя интеллигентом. Наверно, это пока всё, что я могу сказать об этом слове. Хотел бы предложить вам также разобраться, что оно значит. Попробуйте его перевести. Может быть, это будет вам проще.

Спасибо за внимание. Будьте интеллигентами.

Цитата А. Н. Радищева: «Добродетели суть или частные, или общественные. Побуждения к первым суть всегда мягкосердие, кротость, соболезнование, и корень всегда их благ»

Монолог 31

И значит, здесь говорится про личные частные добродетели и общественные. В частности, и в основном говорится, разумеется, про личные добродетели. И по идее, личные добродетели – это качества вашей личности, ваше собственное качество. Но при этом здесь говорится, я с этим согласна на самом деле, что это невозможно без того, как вы относитесь к другим людям. То есть мягкосердие или милосердие, как можно перевести сейчас, – это

так или иначе качество, нечто, что мы проявляем по отношению к другим. И, во-первых, разумеется, трудно сказать, что вы добродетельный человек, если это некому говорить, так что другим людям нужно проявление к ним этого. Но в принципе я думаю, что человек сам не сможет считать себя добродетельным, если он не относится к другим людям хорошо, если он не способен на доброту по отношению к другим, на хорошее к ним отношение, на смирение и умение их принимать. И на самом деле я думаю, что мы не можем отрицать в любом человеке так или иначе наличие этих начал. Так что я думаю, что добродетель – это только вопрос развитости этих качеств, так или иначе.

Монолог 32

В цитате Радищева речь идёт о добродетели. Что же такое «добродетель»? Добродетель бывает общественная и личная. При этом общественная добродетель, то есть то, каким добродетельным является общество, складывается из личной добродетели каждого человека, который туда входит. Кого же можно назвать добродетельным? Добродетельный – это человек, который ... совершающий добрые дела, это человек, совершающий добрые дела, который способен сочувствовать и помогать окружающим людям. Это кроткий и справедливый человек, который не провоцирует ненужных конфликтов. В общем, добродетельный человек это тот, кто противоположен злу, и тот, кто несёт добро. Таким образом, от добродетелей каждого человека зависит общественная добродетель и то, каким будет общество.

Монолог 33

Радищев говорит о том, что добродетель бывает частной и общественной. Он говорит, что корень частной добродетели всегда благо, то есть это всегда какое-то доброе намерение. Нужно сказать, раз... что добродетель как добродетель, она... в этом случае Радищев прав, потому что, если в корне, например, доброго дела лежит какое-нибудь побуждение вроде желания создать себе приятный образ в глазах других, образ доброго человека, это добродетелью назвать нельзя. Так же или что-то в общественной добродетели. Насколько я понимаю, Радищев говорит о каких-то общественных полезных делах. В этом случае человек, который решает судьбу сразу нескольких людей, то есть делает какое-то общественное дело, он может быть гораздо более ответственным, чем если он делает частные добрые дела, потому что, когда... если он решает судьбу сразу многих людей, то велик соблазн сделать что-то ради создания общественного имиджа. Многие люди этого человека могут узнать. Этот человек сможет попасть в рамки... (ведущий его перебил). Таким образом, в корне как и частных, так и общественных добродетелей должны лежать благие побуждения.

Монолог 34

Эпиграф к поэме «Мцыри» М. Ю. Лермонтова: «Вкушая, вкусих мало меду, и се аз умираю»

Итак, «Вкушая, вкусих мало меду, и се аз умираю». В этом высказывании заключён глубокий трагизм, такой всечеловеческий трагизм, сожаление. Человек умирает, понимая, что не успел вкусить достаточно этого самого меду. И так как в эпиграфе заключается главная мысль произведения. за аргумент к этому высказыванию мы можем взять историю главного героя поэмы «Мцыри». Мы вспоминаем, как он вырвался из монастыря и вкусил ту самую свободу. Он переживал эмоциональное потрясение, приключения, но история окончилась трагично. И после прочтения нам остаётся только вздохнуть и сказать «такова жизнь». И хотя у каждого будет своё мнение насчет необходимости, так сказать, вкушения меду, но, чтобы уберечь себя от сожаления на закате жизни, нужно позаботиться об этом смолоду и помнить об этом высказывании.

Монолог 35

Эпиграф к роману «Анна Каренина» Л. Н. Толстого: «Мне отмщение, и аз воздам»

«Мне отмщение, и аз воздам». Это цитата из Библии и, действительно, в Библии ещё в Ветхом Завете поднимается тема мести, правильного справедливого наказания за какой-то поступок, «око за око, зуб за зуб» можем мы вспомнить. И этот же принцип переходит в классическую европейскую дворянскую культуру. Можно вспомнить понятие дворянской чести и дуэли, которые совершали как отмщение за что-то. Вот, ну Толстой, он использует этот эпиграф к... в романе «Анна Каренина» показывает трагичность такого принципа и вообще неприемлемость его, потому что он описывает в общем личную трагедию людей. И он как писатель христианский придерживается принципов Нового Завета «прощать, а не мстить». Можно вспомнить цитаты из Нового Завета: «Выше правды есть любовь, выше закона – милость, выше правосудья – прощение». И вообще, Толстой в своей идеологии призывает быть милосердным, а не мстить.

Монолог 36

Эпиграф к роману «Белая гвардия» М. А. Булгакова: «Судимы будем каждый сообразно с делами своими»

«Судимы будем каждый сообразно с делами своими». Это религиозное высказывание. Изначально в нём говорится о высшем суде, на котором каждый из нас будет наказан или наоборот вознагражден за наши деяния. Однако нужно помнить, что это относится к современной жизни. То, что ты заслужил, то ты и получишь. Также мне бы хотелось сделать отсылку к так называемому золотому правилу морали «поступай с другими так же, как хочешь, чтобы они поступали с тобой». И ещё здесь подходит высказывание «не судите и не будете судимы». Они не полностью раскрывают смысл этой фразы. Но всё же они говорят фактически об одном: возможно, далеко не всё справедливо,

но, если мы хотим жить в здоровом счастливом обществе, нам нужно помнить, что каждый из нас будет судим сообразно с нашими делами.

Монолог 37

Открытая тема: «Мой Петербург»

Для многих, не только для писателей и поэтов, но вообще для всех людей, Петербург очень долго казался городом чужим. Он возник непонятно как, на болоте, на костях, мы знаем Петербург так и называют. Блок в своём цикле «Город» описывает его как что-то подобное аду, и в «Медном всаднике» у Пушкина совершенное чудовище. Но при этом никто, даже те, для кого Петербург кажется чужой, нет... все, даже те, кому Петербург кажется чужим, отмечают его восхитительную красоту и стилистическое как бы единство такое. Можно сравнить петербургских поэтов и Ахматову с московскими Пастернаком и Цветаевой и увидеть в стихах петербургских поэтов то, что называется прекрасной ясностью, такую плавную единообразную красоту. И мне кажется, поскольку Петербург — это мой родной город, что это же как раз есть чудо, что на болоте, на костях возникла такая прекрасная... возник такой прекрасный город. И для меня, кстати, Петербург — это не только культурная столица, которая имеет длинную историю и которую описывало много писателей и классиков, но также Петербург есть... очень часто описывают современные поэты, в том числе представители ленинградского рок-клуба. И закончить я хочу, что Петербург — это... и закончить я хочу тем, что Петербург — это мой родной город, и я могу сказать, что в моей груди «стучит копытом сердце Петербурга», как сказал Александр Башлачёв.

Монолог 38

Открытая тема: «Мой Петербург»

Я тоже родилась в Петербурге, это мой родной город. И неспроста называют его культурной столицей, ведь каждый день сюда приезжают миллионы туристов, чтобы посмотреть на дворцы, мосты, реки, соборы. И это очень хорошо. На самом деле я сама люблю быть в роле туриста. Несмотря на то, что живу здесь уже 17 лет, мне иногда тоже нравится пройтись по старом улочкам, посмотреть на какие-то дома, не только на общеизвестные, а вообще, в принципе посмотреть на город несколько другими глазами. Допустим, заглянуть в каждый дворик или как-то ещё узнать этот город лучше. Но почему-то моим таким любимым местом в Петербурге является метро. Я не знаю, я не могу это объяснить, но я побывала в других городах и других странах ездила на метро, но в Петербурге оно какое-то родное. Тут есть какая-то романтика, то есть ты едешь, например, посмотреть что-то в музее, в Эрмитаж или ты едешь навстречу с друзьями или с кем-то еще, и ты переживаешь этот момент и в предвкушении, мелькающие станции своей тоже

архитектурой, своим видом, они тоже тебя заряжают тебя вот этой энергией, где-то в своём любимом городе на метро. Я очень люблю это, эти чувства, они не передаваемые. Ну конечно, я люблю тоже и гулять, и я тоже, ну вот почему-то метро, оно греет меня своим как-то вот, своей атмосферой.

Монолог 39

Открытая тема: «Мой Петербург»

Несомненно, Санкт-Петербург – это один из величайших городов нашей Родины, и величие его проявляется в самых разнообразных и обширных сферах нашей жизни, будь то вклад в культуру России, ее историю и науку. На перечисление имен всех тех поистине великих художников, ученых и политических деятелей, чьи судьбы были связаны с нашим городом, могут уйти часы. Однако помимо всего этого великолепного исторического фона нельзя не отметить удивительную и неповторимую душу Санкт-Петербурга, его сущность для каждого петербуржца, да и россиянина вообще, эта душа неповторима и многогранна, так много слилось в ней. Это отражено и в истории Петербурга, как в гуще исторических событий, так и в многочисленных посвященных ему литературных и иных художественных произведениях, поскольку у каждого художника взгляд на наш город вносит какой-то особый оттенок, доселе не отраженный.